

ШАХ И МАТ

АНАСТАСИЯ ШЕЦ

Сможет ли пешка
поставить мат королю?

18+

Анастасия Шец

Шах и мат

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1- 311.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Щец А.

Шах и мат / А. Щец — «Издательство АСТ», 2021

ISBN 978-5-17-123069-2

Я была пешкой, а он – королем. Я всегда брала на себя первый удар. Но порой мне было страшно, и тогда все смеялись, корили меня за трусость, ведь когда-то я заявила, что ничего не боюсь. Он казался взрослым и самостоятельным, защищал друзей и союзников. Его все слушали, и практически никто с ним не спорил. А если спорили, то сразу же жалели об этом. Мы вместе играли с самого детства против всего мира, но однажды объявили войну друг другу и оказались на противоположных сторонах доски. И началась партия длиной в десятилетие... Кто-то должен одержать верх в затянувшейся партии. Смогут ли пешка поставить мат королю, если в игру вмешалось сердце?

УДК 821.161.1- 311.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-123069-2

© Щец А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

1	6
2	9
3	14
4	18
5	25
6	31
7	36
8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анастасия Шец

Шах и мат

© Анастасия Шец, 2021

© Варвара Железнова, иллюстрация на обложке 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

1

«Какой снег в конце марта?» – совершенно из ниоткуда этот вопрос свалился мне на голову.

Действительно. Крупными белыми хлопьями снег засыпал мокрый асфальт, а до этого прошел ледяной дождь. Ветки гнулись от порывов ветра, едва не ломались. А ведь совсем недавно было теплее. Люди бежали на остановку, кутаясь в вязаные шарфы. Все спешили по домам, чтобы укрыться от непогоды в своем уюте.

В отличие от них я совсем не хотела домой. От одной мысли об этом предательски подгибались колени. Ничего страшного в самом доме – мебели, стенах и потолке – не было. Но страшное таилось в городе, где этот дом находился. В родном городе, откуда в детстве пришлось уехать, якобы навсегда. В оставшихся там людях. В стенах бывшей школы, которая, наверное, развалилась на части. Среди старых ферм за городской чертой и в темных подвалах полузаброшенных домов. В воспоминаниях, которые преследовали меня до сих пор. В причине этих воспоминаний.

Мама коснулась моего плеча совсем некстати.

– Мы почти приехали, готовься выходить, – устало сказала она и достала из кошелька деньги за проезд.

По коже побежали мурашки. Не хотелось снова выходить на улицу. Уютный автобус нравился мне больше, но я не могла об этом сказать, будто воды в рот набрала. Мы вышли из автобуса, я крепко зажмурилась, поглубже вдохнула и пошла за мамой.

Заснеженную дорогу я знала наизусть. Вперед, налево, а затем снова вперед. Сбоку цветастые продуктовые магазины, а спереди – безликие пятиэтажки. Шесть домов, замыкающих широкий прямоугольный двор, заставленный дорогими машинами. Детская площадка – лестницы, качели, турники, с которых уже давно облезла краска. Вдох-выдох. Надо успокоиться. Я закрыла глаза. Пять минут, и я дома. В безопасности.

* * *

Страх медленно отступал под натиском горячего сладкого чая и теплого овсяного печенья. Пожалуй, зря я навела панику, но поделаться с собой ничего не могла. Казалось, вот-вот я встречу кого-то из *них*, меня снова назовут храбрецом и подтолкнут в спину, чтобы идти вперед. От таких мыслей становилось горько.

Чай я пила одна: родители собрали документы и отправились в единственную школу в нашем округе, чтобы устроить меня в десятый класс. Бабушка работала – дорабатывала последние дни до пенсии. Она инженер-химик и раньше вечно пропадала в своем исследовательском институте. Хотя когда-то, до смерти дедушки, многое в нашей семье было иначе: никто не пытался сбежать и занять себя работой, прогулками и важными делами. Дом казался куда дружелюбнее. Вопреки всему.

Еще один глоток горячего чая. Печенье закончилось. Я натянула рукава свитера на запястья и взглянула в окно. Двор, заставленный машинами, пустовал. На тонком слое снега виднелись редкие грязные следы – по одной тропинке к каждому подъезду. Непривычное зрелище: там, где я жила до этого, было слишком шумно. Слишком людно. Слишком тесно.

Санкт-Петербург – город-миллионник. В нем слишком много «слишком», а в разнообразии, которое он предлагает, очень просто потеряться. Город, где много интеллигентных людей, вежливости и благородства, хмурый, серый и подозрительно правильный. Соответствующая стереотипным представлениям погода зимой и весной, летом и осенью. Дожди, тучи и сырость

даже во время праздников и шествий. Чистота на улицах, в домах, в магазинах. Безликие государственные школы. Начало занятий ровно в восемь, пятнадцатиминутная зарядка и ни единого опоздавшего. Выглаженные брюки со стрелками, заплетенные волосы и юбки длиной «ладонь от колена!». О другой стороне Санкт-Петербурга, как о другой стороне медали, молчат.

Мама безумно влюбилась в семнадцать лет, а в восемнадцать совершенно случайно родилась я. Она страшно боялась, что у меня обнаружится какая-нибудь врожденная патология, но все обошлось. Биологический отец исчез с горизонта, как только мне исполнилось шесть лет. Было крайне сложно это принять и понять; ночью мама уставала отвечать на вопросы о том, куда он делся, а утром – успокаивать мои истерики. Всегда думалось, что его вызвали на работу, а теперь просто-напросто не отпускают, потому что он слишком незаменим. Когда мне было девять, появился дядя Влад и стал моим «новым папой». Он, видимо, стал тем, кого мама хотела видеть рядом. Они вместе по сей день. Он любил ее и пытался наладить контакт со мной, как и я с ним. Но мы неизбежно ссорились, мирились и снова ссорились. Это продолжалось из раза в раз, по столь четкой схеме, что в конечном итоге все забили и перестали бороться. Зачем, если каждая новая ссора все равно приведет к уже известному концу?

Мама и новый папа жили счастливо и думали, что я – часть их счастья. Но главного родители упорно не видели. У меня никогда не было беззаботного детства. *Они* – мои верные друзья – чересчур любили играть. Нашей любимой игрой были шахматы.

Мы с семьей уехали из Белого города в середине седьмого класса, и с тех пор началась спокойная жизнь, нарушаемая лишь редкими ночными истериками и кошмарами. Тяжело было засыпать, а просыпаться – тем более. С этим помогал справиться теплый медовый чай, но он не спасал от чего-то чуть более серьезного и чуть менее обыкновенного. Порой мне казалось, что мои страшные сны воплощаются в реальности и опутывают меня чернотой. Я боялась темноты и видела в ней пугающие образы, которые даже принимала за галлюцинации. Но когда я подросла, то поняла, что ошибалась. Страх и богатая фантазия сыграли свою роль. Даже когда кошмары отошли на задний план, я часто их вспоминала и задумывалась. Голова шла кругом; порой меня одолевало ощущение, что вокруг не осталось ничего настоящего.

Я была ребенком, когда дедушке поставили страшный диагноз – синдром Альцгеймера. Бабушка делала что могла, терпела приступы агрессии и то, что ее забывает собственный муж. Она ухаживала за ним и часто плакала. Это повлияло на всех нас, ни у кого не осталось сил. И как бы это ни было плохо, каждый хотел, чтобы дедушка скорее отмучился. Когда это случилось, мне было четырнадцать. Именно тогда наша семья изменилась.

Похороны, поминки, темно-коричневый поблескивающий гроб. Кто додумался взять меня на церемонию? Душещипательные речи, искренние – или нет? – слезы по ушедшему, слова о том, каким он был хорошим и скольким помогал. В такие моменты забывают обо всех промахах человека. Так положено. Меня душила вина за то, что я практически не помнила дедушку таким, как о нем рассказывают, а помнила только его пьяные буйства, крики и то, как он грозился уйти из семьи и приводил неизвестно кого в качестве substitutes. Единственное хорошее, что я о нем знала и в чем мы были похожи, так это то, что он был тем еще мечтателем. Хотел построить дирижабль; разрабатывал проекты; пытался совершенствовать технику, хоть она чаще ломалась после этого; горел желанием вырыть колодец и засадить огород фруктовыми деревьями. Он много чего хотел и мало что сделал. Этого никто не вспоминал. Семья не выдержала долго, и вскоре мы уехали.

Время шло. Закончился седьмой класс. Начался восьмой. Девятый. Кое-как удалось свыкнуться с жизнью в Санкт-Петербурге, пусть на это и потребовалось ни много ни мало два с половиной года. А затем мама усадила меня на мягкий желтый диван и сказала, что отца перевели по работе обратно. Жить в Северной Столице больше не выход, да и дорого. А в родном Белом городе много зелени, цветов и свежего, чистого воздуха. В этот момент сердце запля-

сало на ребрах чечетку, дыхание участилось, а на лбу проступили капли пота. Я коснулась его рукой, пытаюсь отогнать рой панических мыслей и успокоиться. Прошло много времени. Все изменились, все изменилось. Все должно быть хорошо.

Внезапный переезд. Вещи, суматоха, машины. Снег в конце марта.

2

Ярко светило солнце. Верхушки фруктовых деревьев тянулись вверх. Яблок, груш и разных ягод в садиках росло столько, что летом можно было сбегать из дома надолго и не голодать. Мы пользовались этим, проводя весь день на улице. Бегали по окрестностям, играли во все, что только можно было придумать. «Казачи-разбойники», «Девять плиточек», «Классики» и «Школа», войнушка. А самое интересное – «Цепь»: это когда одна команда бежит на другую, и они дерутся до тех пор, пока все из одной команды не упадут. «Стенка на стенку». Если ты упал, подняться больше нельзя. «Прятки», и никаких девчачьих игр. В нашей компании практически все были мальчишки, а девчонки девчонками не считались. Кукол, плюшевых медведей и розовые машинки мы сожгли на костре за гаражами, дав своеобразную клятву верности.

Одной из наших любимых игр была «Тень». На закате, когда почти весь двор тонул в тени, мы забегали в таинственную темноту и играли в догонялки. Выбирался ведущий. Он ходил по освещенному солнцем месту, а его целью было догнать того, кто в тени. И только кто-то ступал на свет – его выбирали новым ведущим. Чаще всего ведущей была я – меня проще всего достать.

Еще у нас были любимые места, куда мы приходили раз за разом, чтобы полазить там и изучить их, узнать что-то новое.

Местный отстойник с относительно чистой, холодной водой находился в частном районе на окраине города. Его узкие берега состояли из смешанного с грязью песка, а сам «водоем» был огромной, невероятной по размерам бетонной ямой с резким обрывом и дурной славой. Немало детей, да и взрослых тоже, утонули, купаясь там. И многие старались избегать этого места, но нас подобное притягивало. Опасность и дурманящий риск. Чувство бесстрашия. Мы шли туда, ловили лягушек и крупных жучков, а затем привязывали их за лапки к мелким камням и, соревнуясь, кидали в воду. Смеялись, спорили, кому удалось закинуть дальше и у кого было больше «блинчиков» на воде.

Однажды я остановилась и посмотрела на маленькую скользкую лягушку и на ее странно выгнутую лапку.

– Может быть, мы не будем кидать их с камнями? Они же утонут.

Высокий темноволосый мальчишка – старший из нас – перевел на меня насмешливый взгляд, после чего сжал лягушку в руках, прицелился и пустил ее в воду.

– Тебе их жалко?

– Конечно, Максим! Так делать нельзя, они же не смогут всплыть, мы убиваем их!

Я подошла ближе к краю.

– Ты слишком мелкая для таких развлечений. Ты ничего не понимаешь.

– Неправда!

– Правда! – Максим нахмурился и приблизился ко мне. – Слишком мелкая, чтобы понять, что это весело.

– Но это не весело...

Шаг назад – и падение в отстойник станет неизбежным. Рядом столпились ребята.

– Будет веселее, если мы кинем в воду тебя?

Я мотнула головой и съежилась.

– Испугалась. Тебе страшно? – Максим хмыкнул и кинул мне камешек.

– Мне никогда не страшно!

Они запомнили эти слова, каждый из них. Они видели, что я испугалась. И даже после того как мы ушли оттуда, после того как забавы с лягушками перестали быть интересными, они не давали мне этого забыть.

Еще мы любили подвалы – темные, холодные и сырые, со множеством поворотов, с противным запахом, с протекающими трубами, странными звуками, мошками, крысами и кошками. Егор всегда рисовал их планы, записывал адреса и не упускал ни одной детали. Он шел первым, а мы – за ним. Если же какой-то подвал казался ему особенно жутким и противным, он отказывался и первой пускали меня. Потому что, говорили друзья, я юркая, храбрая и не боюсь запачкаться. Это было не так. За запертыми дверьми, в замкнутом пространстве подвала, с тусклым детским фонариком в руке, мне было очень страшно. Фонарик часто мигал и не мог осветить всего вокруг. Я выходила из подвала грязная, покусанная мошками, в синяках, ссадинах и едва ли не в слезах. А после, твердя себе о своей смелости, я садилась на колени перед лавочкой и рисовала план подвала вместо Егора. Он весело улыбался. А другие смеялись.

* * *

Однажды мы играли во дворе в «Московские прятки», когда внезапно к нам с радостными криками прибежала Аня.

– Эй! Егор, Максим, вылезайте из-под машины! – Она уселась на беседку и поманила всех рукой. – Саша! Женя, слезь с дерева! У меня такая идея! Ромка! Настя!

Перестав считать, я открыла глаза и оглянулась. Ребята с недовольными вздохами сели на лавочку и устали на Аню.

– Ну, выкладывай! – Сашка почесал светловолосый затылок.

– В моем доме есть колясочная на первом этаже. Там ставят всякие коляски и детские велосипеды, чтобы не хранить их дома. Должны ставить. Но... – На ее лице заиграла веселая улыбка. – Наша пустует! Ни у кого из дома нет ключей от двери! Вы представляете? Я пошла за дом, чтобы помочь бабушке с морковной грядкой, и увидела там балкон. Он спрятан за нашей вишней. А если мы захватим его? Залезем туда, взломаем дверь, уберем и...

– И сделаем там наше тайное место. Склад интересных вещей. Невероятное скопище прекрасностей! – закончил Максим с предвкушающей улыбкой.

Идея пришла всем по душе.

– А как же наши прятки?

На меня обратились недовольные взгляды. Рома вздохнул и пихнул Женю в бок, мол, давай вставай.

– Это куда круче детских прятков! – гордо сказал Максим, вздернул нос и кивнул Ане. – Веди нас! Женя, сходи к моей маме домой и возьми метлу с совком. Остальные идите с нами.

Женя кивнул и убежал, а мы двинулись к нашему будущему складу. Его защищали от чужих глаз густые кроны шпанки и вишни. Мы еле забрались на балкон – он находился на уровне первого этажа, но уцепиться было не за что. Пол был весь замусорен: тут валялись какие-то деревяшки, щепки, железяки, листья, осколки, бутылки и окурки. Пришлось это выгребать. Требовательный взгляд Максима упал на меня, как на самую бесполезную.

– Неси пакеты для мусора!

– Но почему я?

– Неси.

Я послушно пошла за пакетами. Отчего-то было не по себе.

К моему возвращению весь мусор выгребли на землю. Рома с интересом разглядывал цветное стекло, но отвлекся, увидев меня.

– Почему ты так долго? Давай убирать это. Отнесем на свалку.

– А где все?

Он скривился и бросил стекляшку в общую кучу.

– Максим и Саша внутри, уже сломали дверь. Женя ушел домой, а Егор и Аня пошли в магазин за лимонадом.

Почему-то казалось, что на уборку мусора ушла не пара часов, а целый день. На уборку внутри – еще один. А на то, чтобы принести в наш тайник самое необходимое, – еще пара дней. К концу жаркого дня обои были ободраны, а голые стены – разрисованы краской из баллончиков. Каждый оставил подпись и добавил в «дизайн» нечто свое. У стены стоял старый-старый советский диван, который недавно вынесли на улицу. Максим и Женя, как самые сильные, приволокли его сюда. Хорошо, что он был небольшим. Я принесла из дома плед, за пропажу которого потом получила. Теперь можно было садиться на диван без опаски. Саша нашел в гараже отца раскладной столик – подарок от какой-то пивной компании – и два маленьких-премаленьких самодельных стульчика. Газеты послужили скатертью. Стало намного уютнее, наше убежище даже напоминало штаб какого-то военного отряда или команды супершпионов. Мы были горды собой. Дело оставалось за малым – интересные вещи.

Первыми появились старые-старые шахматы. Их принесли Егор и Аня, вернувшиеся из магазина с тремя бутылками лимонада, фломастерами и альбомом – наверняка для рисования новых карт. Они расположились на стульчиках, разложили все принесенное и открыли коробку с шахматами. Максим поставил диван у стола и вальяжно расселся, с интересом глядя на шахматы. Естественно, он знал, как в них играть. Его дедушка, вечно чинивший велосипеды во дворе, был прекрасным шахматистом. Сашка заулыбался и поправил кепку, после чего залез на спинку дивана, говоря, что так лучше видно. Я засмеялась и села рядом с ним, но после все равно скатилась вниз, к Максиму.

– Кто знает, как в них играть?

Аня заправила прядь своих ярко-рыжих волос за ухо и улыбнулась.

– Я видела, как бабушка играла с моей мамой!

– Но нам нужны правила! – скривился Саша и спрыгнул вниз, отчего диван жалобно заскрипел. – Это что, просто сидеть? Скучно же.

– Не скучно, – хмыкнул Максим и принялся доставать фигуры. – Очень даже нет! Игра очень крутая. Там есть короли, слоны, ферзи...

– А кто такой ферзь? – Я подседа ближе.

– Это королева. Она называется ферзь. А еще там есть кони, и пешки, ладьи... Каждая фигура ходит по-своему. У каждой свое предназначение. Шахматы похожи на сражение двух королевств в Средневековье! Надо поставить шах и мат королю, тогда ты победишь. Это когда король будет под неизбежным ударом.

У него было такое увлеченное, довольное лицо, что я невольно восхитилась, уже не в первый раз. Скоро фигуры были ладно расставлены по черным и белым клеточкам.

– А какая роль самая сильная? – Аня удивленно взяла короля и покрутила его в руках.

– Фигура, – поправил Максим. – Я думаю, что король и ферзь. Они бесценны в игре. Потом идут слоны, ладьи, кони... А потом – пешка. Она самая слабая и самая уязвимая. Но пешка – основа шахмат! Она может стать незаменимой помощницей и превратиться в любую из фигур.

– А как это? – удивилась я.

Неужели простая пешка – рядовой воин – может стать кем-то значимым?

– Это называется превращение. Но... это случается редко и не всегда нужно. Происходит превращение в самом конце. В энд-шпи-ле, – по слогам произнес он, – это заключающий этап игры, когда фигур остается мало. Но я думаю, пешка должна оставаться пешкой. – Максим слегка нахмурился, складывая брови домиком. – Кто-нибудь сыграет со мной?

– Давай я! – Сашка спрыгнул с дивана и, сев напротив Максима, сделал первый ход.

Все внимательно наблюдали за ними.

– Как глупо с твоей стороны, – усмехнулся Максим и взглянул на своего противника. – Я сейчас убью тебя! Вот.

И действительно, через два хода конь Саши оказался повержен. На его лице отразилось недоумение, а на щеках Максима появились ямочки. Рома взял черный фломастер и записал «1:0».

– Это легко.

– Правда? – Егор достал альбом и принялся рисовать путь прохода к нашему тайному складу. – А если... А если и мы с вами как фигуры из шахмат? Целая команда! А весь мир – наш противник, которого мы должны узнать и победить. Будем побеждать раз за разом. Чур, я тогда буду ладьей! Она широко шагает, в любые стороны. Как и я.

– Хм...

Кажется, идея пришла многим по вкусу. Мне тоже захотелось узнать, кем я буду.

– Тогда я – король! – Максим гордо хлопнул себя по груди и ухмыльнулся. – А ты, Саш, будешь... конем! Вместе с Ромкой. Коня всего два в команде. Анька будет ферзем! А Женя слоном. Он вечно ищет пути попроще.

Мы все рассмеялись, тут я задумалась.

– А кем быть мне? Слоном? Их же тоже два!

– Нет. – Максим задумчиво поднялся. – У нас нет пешек. Ты будешь пешкой.

– Но почему? – Мне стало грустно, ведь пешка – самый слабый воин на шахматной доске. И ее никогда не боятся потерять.

– Потому что у нас нет пешки. А ты самая мелкая и самая храбрая, – он довольно засмеялся, – поэтому ты будешь идти впереди.

Если бы мне тогда, в далеком детстве, сказали, что эти слова будут решающими, что они повернут историю моей жизни и заставят смотреть на мир иначе, не так, как надо, я бы вряд ли поверила. Тогда это казалось игрой. Веселой игрой, в которую может играть каждый. Которая когда-нибудь прекратится, и все станет на свои места.

– Отличная роль для тебя. – Аня хихикнула и снова взглянула на шахматную доску. – Вы не голодные? Я сейчас таких пирожков могу принести! Мама испекла!

– Пусть Настя идет. – Саша взял с шахматной доски маленькую белую фигуру и кинул ее мне, хитро подмигивая. – Она же наша пешка.

Все засмеялись, и я засмеялась. Это показалось веселым.

Так мы будто начали бесконечную игру. У каждого появилась своя роль, «полномочия», если можно так это назвать. Максим стал нашим самопровозглашенным королем, его все слушали, и практически никто с ним не спорил, а если и находились смельчаки, то им было неприятно и больно. Его уважали и боялись, все хотели с ним дружить. Взрослый, самостоятельный и смелый, способный защитить друзей и союзников – таким нам казался этот мальчишка. Аня – ферзь – частенько была рядом с ним. Вместе они приходили на площадку, расходились по домам, разрабатывали планы.

Егор был нашим первопроходцем – смелой ладьей. Он всегда знал, где что находится, мог сделать решающий шаг вперед и сказать, куда можно идти, а куда лучше не соваться, был твердым и уверенным. Женя – брат Максима по отцовской линии – постепенно становился все хитрее и умнее. Никто не знал, откуда он берет эти знания, но обвести кого-то вокруг пальца ему не составляло труда. Здорово подвешенный язык и высокий рост открывали перед ним многие горизонты. Женя купил нам первый запрещенный взрослыми напиток – энергетик. Это было вкусно, но дорого. Тогда каждому хватило по три-четыре глотка.

Саша и Рома очень сдружились и стали совсем уж не разлей вода на какой-то период, но тогда казалось – навсегда. Они самые ловкие, как мне казалось. Бегали быстрее всех, ничего не боялись, научились кататься на скейтборде, а со временем – выполнять безумные трюки, от которых кровь стыла в жилах.

Я как была пешкой, так и осталась. Часто ходила с Егором. Мы обсуждали, в какие бы уголки города еще забраться, строили планы и мечтали о новых свершениях. Мы изриси-

вали целых четыре альбома, постепенно превратили их в большую карту. Я всегда носила с собой рюкзак, в котором была эта карта, фломастеры и вода; снимала на телефон трюки Сашки и Ромки, а еще брала на себя «первый удар». В магазине на кассе стоять приходилось мне, нести корзину с покупками – тоже. Когда мы изучали новые территории: леса и поля, какие-нибудь заброшенные здания и постройки, – я шла вперед. Постепенно это превратилось в нечто настолько привычное, что уже не приходилось ждать фразы «Ну, храбрец, вперед». Но таким обыкновенным оно стало не сразу. Поначалу, когда было действительно страшно идти, например, в темное и сырое место, где могло случиться что угодно, я отказывалась и просила, чтобы кто-то пошел со мной. В эти моменты я ловила сочувственный взгляд Егора. Он так и говорил, что, мол, я бы пошел с тобой, если бы мог. Однажды Егор уже вызвался идти со мной и тогда подрался с Максимом. У него остались большой синяк на скуле и сбитые костяшки, и больше Егор не лез на рожон. Драки грозили и мне, только я была слабее и могла разве что уворачиваться и убегать. Тогда все смеялись надо мной и корили за трусость, ведь я когда-то сказала, что ничего не боюсь. Поэтому приходилось идти вперед.

Постепенно от страха неизведанных мест ничего не осталось, он перерос в нечто похуже – я начала бояться собственных друзей. Аня, Максим, Саша, Егор и Женя с Ромкой пугали меня. Максим говорил, что нужно добиваться власти и уважения в своем районе, что все должно быть четко и слаженно и чтобы никто не знал о нашем тайном месте. Чем старше мы становились, тем серьезнее были наши «приключения». От исследований подвалов, заброшенных одноэтажных домов и заводов мы постепенно перешли к ночным скитаниям по школе, после которых около месяца оттирали стены от рисунков, к мелкому воровству в больших магазинах, к шантажу и вымогательству. Я то и дело замечала, как дети помладше отдают что-то то Максиму, то Роме. Чаще всего это были безделушки или деньги. Один раз видела, как ребята забрали у мелких навороченный перочинный нож, смеясь над их слезами и обещая вернуть «за пару сотен». Мне это не слишком нравилось, как и то, что иногда приходилось отвлекать продавца ларька, пока у заднего входа Саша и Ромка таскали разгружаемые продукты из приехавшего грузовика. Чаще всего они брали чипсы и фрукты, затем – сигареты и энергетики, а после – алкоголь.

Одним из наших любимых мест стал фонтан в местном парке – большой, с лавочками прямо у воды, в тени деревьев. Летом и весной мы всегда сидели там, придумывали что-то новое, играли, болтали, иногда дрались и смеялись, отбирали у детей мячи и кидали в воду, игрушки летели следом, мороженое становилось нашим, равно как и все другие вкусности. Наверное, это чувство безнаказанности нравилось всем. Когда ты знаешь, что можно все и за это никто ничего тебе не сделает. Обидь ты ребенка или кого постарше – все равно. Нам удавалось взять количеством и продуманностью. Распределение ролей сделало свое дело. Король самоутвердился, как и каждый из нас. Эти фигуры буквально срослись с нами. Обычная игра превратилась в нечто более глобальное, затрагивающее уже куда больше, чем наш маленький мирок.

3

Существовало правило, нарушение которого каралось «смертной казнью». Кто-то сказал так когда-то, и выражение прочно засело в голове. Никто не хотел быть изгнанным из нашего круга, никто не хотел терять роль, закрепленную за ним благодаря фигуре. Каждый боялся нарушить главное правило и свою клятву.

«Никогда и ни при каких условиях не раскрывай места тайного склада интересных вещей! Не сдавайся, терпи даже пытки, но не говори о том, где он! Наказание за раскрывание – смертная казнь». Это было выцарапано куском цветного стекла прямо на стене склада. Крупно, размашисто – так, чтобы видели все.

В тот вечер Максим собрал нас всех, чтобы объявить что-то важное. В руках он нес листочки и сухие палки; из кармана торчали спички и две банки черной гуаши, а под мышкой был лак для волос.

Я недоумевала, зачем все это. А главное – почему так поздно? Зачем темнота? На тайном складе не было света, да и за самим домом, среди жутковатых силуэтов деревьев и кустов, тоже царил не очень дружелюбная атмосфера... Но мы покорно шли за Максимом.

Оказавшись в помещении, я заметила на бетонном полу кирпичи, сложенные ровным пустым квадратом с высокими бортиками. Максим скинул в углубление листки и веточки, склонился, облил все это розжигом и бросил туда спичку. Все отскочили от вспыхнувшего яркого пламени.

– Зачем нам нужен костер? Вдруг мы всё спалим? – с недоверием спросил Саша, усаживаясь на диван.

В воздухе запахло горелой бумагой. Дым повалил к потолку, а затем потянулся в пустой оконный проем. Стало намного теплее и уже не так жутко. Рисунки на стенах будто ожили и задвигались из-за пляски пламени. Я села на пол и протянула руки к костру. Женя одобрительно улыбнулся, кивнул и сел рядом. Уж он-то знал, что сейчас будет. Максим усадил всех, а затем встал напротив и громко, важно произнес:

– Я собрал вас здесь, чтобы вы принесли мне клятву! Клятву верности, клятву в том, что, если на нас нападут, вы не сбежите, как крысы с тонущего корабля! Что мы всегда будем дружить и помогать друг другу. Что сохраним наш секрет!

Он выглядел величественно и гордо, когда произносил эту короткую речь. В его руках был листочек с текстом, наверняка самой клятвой.

– Начинаем. Я, Максим Ярцев, обещаю быть хорошим королем и защищать вас. Я никому никогда не расскажу об этом месте, даже под страшной угрозой. Буду честен, справедлив и верен тому, что я делаю!

Ромка кинул в огонь охапку веток, и тот запылал ярче. Листочек перешел ко мне.

– Давай, – подбодрил Егор.

– Я, Настя Шереметьева, обещаю быть верной пешкой и всегда идти вперед, оберегая всех от угроз. Я никому никогда не расскажу об этом месте, даже под страшной угрозой. Буду честна, справедлива и верна тому, что я делаю.

Я читала внимательно, пытаясь сразу представить, что же может случиться такого, чтобы меня заставили нарушить клятву. Наверное, мой вид был слишком задумчивым. Саша недовольно скривился и, выхватив листок, передал его Егору.

– Я, Егор Городов, обещаю быть стойкой ладьей и вести всех за собой в неизведанные места. Я никому никогда не расскажу об этом месте, даже под страшной угрозой. Буду честен, справедлив и верен тому, что я делаю!

У него это звучало более воодушевленно, чем у меня. Листочек перешел к Саше.

– Я, Александр-р-р Сачков, обещаю быть ловким конем и сносить всех неприятелей на своем пути! – Он так широко и заразительно улыбался, да и говорил со смешной интонацией, что мы не выдержали и засмеялись. Максим на нас шикнул. – Я никому никогда не расскажу об этом месте, даже под страшной угрозой. Буду честен, справедлив и верен тому, что делаю! А еще я навеки останусь с вами!

Последнее Саша добавил от себя, снова улыбнулся, а потом передал листочек Роме. У него тоже клятва вышла немного смешной, особенно когда он обещал быть крышесносным конем и катать нас на скейтборде. Я запомнила это.

– Я, Аня Кудинова, обещаю быть сильным ферзем и не сдаваться пред натиском бед! – Кажется, в ее клятве было написано что-то другое, раз Максим так недовольно на нее посмотрел, но не остановил. – Я никому никогда не расскажу об этом месте, даже под страшной угрозой. Буду честна, справедлива и верна тому, что я делаю.

Очередь осталась за Женей. Он взял листочек, окинул взглядом, а затем перевел на брата взгляд, немного хмурясь.

– Я, Женя Ярцев, обещаю быть хитрым слоном и верным союзником. Я никому никогда не расскажу об этом месте даже под страшной угрозой. Буду честен, справедлив и верен тому, что я делаю.

Повисло молчание. Максим выдернул из его рук листочек, а затем, прижав палец к губам, чтобы все молчали, достал баночку гуаши. Он вымазал в ней ладонь и оставил отпечаток под главным правилом, выцарапанным на стене. Следом появился и мой отпечаток, а затем и всех остальных. Аня забрызгала отпечатки слоем лака для волос, а потом весело попрощалась и убежала – ее уже звала мама.

– Саш, пойдем принесем земли? – предложил Рома и кивнул на выход. – Нам надо засыпать костер... Мы же весь дом сожжем!

– Айда, – кивнул Саша и хохотнул. – Максим, ты идешь домой?

– Нет. Нас с Женей вообще только в магазин отпустили, а мы еще не сходили. Идем.

Женька кивнул и вытер ладонь влажной салфеткой. Они ушли. Саша и Рома пошли за землей. Мы с Егором остались вдвоем. Я подсела к нему и заглянула в альбом, неизвестно какой по счету.

– Какую карту ты рисуешь сейчас?

– Это план наступления! Несколько планов, – гордо ответил он.

– А куда? Зачем нам наступать?

– Наступать интереснее, чем просто приходиться. Сначала, я думаю, мы исследуем закрытый стадион, где проходят футбольные матчи... А потом поднимемся на крышу! Крышу дома! Представляешь, какой на шестнадцатизэтажках вид? А еще, я думаю, мы проскользнем в кино без билетов. Скажи, круто, да? Уже готов план! Надо только Максиму рассказать, он там играет главную роль...

Я задумалась. По сути, Максим везде играл главную роль. Что в далеком детстве, когда мы все только познакомились, еще до школы, что сейчас. И казалось, так будет, даже когда мы вырастем; наша дружба продлится долго и пройдет через многое.

– Я была у маминой подруги в гостях, она живет на пятом этаже. И я была на балконе... Только такое я видела. Даже не представляю, как это, когда видно весь город!

– Пятый этаж, да еще и с балкона – суший пустяк, – отмахнулся Егор.

– Но даже это было красиво.

– Еще бы. С высоты все кажется красивым. Это как другой мир... Легкий и приятный. В котором просто живет и...

Закончить ему не дали вернувшиеся Саша и Рома. Они быстро вывалили целое ведро земли на огонь, а затем и второе. В одно мгновение стало темно и холодно.

– До завтра.

Попрощавшись, они ушли, а мы с Егором неторопливо собрали вещи и молча пошли к нашему дому.

* * *

Мы росли. Много становилось понятным. Наши поступки не всегда были правильными, и порой я жалела, что не решилась остановить друзей и заставить поступить по-другому. Зато наши приключения и походы навсегда остались в памяти вместе с нарисованными картами. Это было полезно, да и к тому же невероятно красиво и ярко. Например, прилесок у заброшенного мелзавода всегда был для нас скопищем великих тайн. Тонкий мостик над большим оврагом, много-много зелени, странные звуки внизу, извилистый ручей и стрекозы. Чистый воздух и нежный, едва уловимый цветочный запах...

Со временем все встало на свои места, кроме одного. Я не понимала Максима.

Наши семьи дружили, особенно мамы – обе состояли в родительском комитете в школе, вместе водили нас на занятия, забирали, покупали одинаковые рюкзаки – я напрочь отказывалась от розовых с картинками барби и блестящими стразами. Часто наши семьи ездили на речку, чтобы пожарить шашлыки, или ходили в лес за первыми подснежниками. Мы праздновали вместе дни рождения и играли на заднем дворе частного дома Ярцевых. Ночью ходили в поле, пока родители сидели за праздничным столом, запускали воздушного змея и играли с двумя большими собаками. Мы залезали на высокие ветвистые деревья, рвали яблоки и ели их, сидя на самом верху и смотря далеко-далеко в небо. Играли в карты и компьютерные игры, в прятки, убегали и хитрили, чтобы получить больше вкусностей. Даже на Рождество мы вместе ходили по домам и пели колядки, рисовали друг другу на лице страшный-страшный грим маминой косметикой, а после, глубокой ночью, делили добытые сласти.

Мы были вдвоем. Без ребят из компании, даже без Жени. Когда друзья куда-нибудь исчезали, я не узнавала нашего «короля». Он становился совсем другим, и перемены я замечала постоянно. Этот мальчишка полностью завладел моим вниманием. Мягкий, добрый и внимательный, с теплой родной улыбкой, готовый в любую минуту поддержать и защитить меня. Когда я что-то рассказывала, ему было по-настоящему интересно, и он слушал и слушал. Иногда, когда мы ночевали вместе, он пробирался ко мне, и я рассказывала сказки, которые придумывала на ходу, – про зайцев в красных шляпах, про принца из далеких земель, про заветное желание. Его увлеченное лицо навсегда мне запомнилось. Как и крепкие объятия, и маленькие секреты, которых не знал больше никто. Я была очарована им и верила, что так будет всегда.

Но с возрастом у Максима будто появилось второе «Я», совсем другое. С ребятами, когда мы не были наедине, он становился более холодным и безразличным. С лица исчезала та улыбка, в нем горел какой-то азарт. Максиму хотелось, чтобы его слушали и уважали; хотелось, чтобы признавали в нем лидера и не знали, что он на самом деле все тот же маленький мальчик, безумно любящий играть в футбол на заднем дворе и теплое молоко с печеньем. С каждым годом в нем росла, казалось, какая-то жестокость, даже бесчеловечность. То, что он провозгласил себя королем и все согласилось, только способствовало этому. И порой мне становилось действительно страшно.

Мы возвращались вместе из кинотеатра. Пока родители жарили шашлыки, мы брали велосипеды и ехали по длинной, безумно длинной дороге вдоль трассы наперегонки. Много смеялись, пели песни из любимых мультиков. А наутро, после вкусного завтрака и беспечного милого общения, мы выходили на улицу, и он снова менялся до неузнаваемости. Я отходила на второй план, а прошлого будто не существовало. Никто не знал, что мы с Максимом так дружим.

День рождения моей мамы было в начале августа. Она приготовила много вкусностей, и к нам в гости снова пришли Ярцевы. Радостная встреча, поздравления и подарки, смех, застолье

и тосты – все пронеслось в одночасье. Немного пьяные родители совсем забыли о нас, а хитрые мы сумели воспользоваться этим. Максим взял свой новый мяч, а я – пакет любимых дорогих конфет, и мы ушли на излюбленное футбольное поле за домом.

Максим встал у ворот и подтолкнул мяч ко мне.

– Давай так! Ты забиваешь мне минимум три гола, и я выполняю любое твоё желание! А если три раза промахнешься, то ты выполняешь любое моё желание.

– Давай, – с лёгкостью согласилась я, зная, что уж это-то мне точно удастся, несмотря на то что он занимается футболом много лет.

Конфеты полетели к воротам вместе с мячом. Это было так неожиданно, что Максим упустил гол.

– Ты хорошо бьешь для девчонки.

Он засмеялся и съел одну конфету, возвращая мне мяч. Я всегда злилась, когда меня звали девчонкой и говорили, что нужно делать все как девочка. Я считала себя равной мальчишкам, одной из них.

– Для девчонки?! Я тебе сейчас покажу!

Мяч полетел в ворота – и снова попадание. Злился уже Максим. Началось ожесточенное сражение – кто кого. Три следующих мяча он ловко поймал, но после я сравняла счет. 3:3. Дальше – тяжелее, счет одинаковый. Оба были упертыми, оба всегда добивались своего. Но в этот раз не удалось ему. Я опять отвлекла его конфетой, и Максим пропустил мяч.

– Это не честно! Переигрываем!

– Ну уж нет, учись проигрывать и выполнять долг! Ты же честный мальчишка!

Он скривился так, будто съел что-то очень кислое, скрестил на груди руки и уселся на траву, складывая пустые обертки обратно в пакет.

– Что же ты хочешь?

– Ответь мне на один вопрос. Только помни. Это очень-очень важно. – Я подошла к нему, взяла конфету и села рядом.

– Хорошо.

– Почему, когда мы одни, ты не король? Ты снова становишься мягким и добрым, совсем как в детстве. А когда мы гуляем с ребятами, ты...

– Я всегда король! – буркнул Максим и недовольно на меня посмотрел. – Всегда, слышишь? Просто когда мы с тобой, мне проще, и я знаю, что ты меня и такого любишь. А ребятам еще нужно постараться доказать, что я чего-то стою. Я обязательно сохраню за собой свой статус! И укреплю его.

– Почему ты так резко меняешь свое отношение ко мне? Это... грустно.

Я поджала губы и обняла колени, глядя на его озадаченное лицо. После небольшой паузы Максим растрепал мои светло-русые волосы и искренне, солнечно улыбнулся.

– Им не обязательно знать, что ты такая клевая. Это тоже наш секрет.

Слова меня удивили. Теперь озадаченной и непонимающей была я.

– Ты странный, ты знаешь?

– Знаю. Но разве не это делает нас особенными?

Мы звонко засмеялись и продолжили есть конфеты. Этот разговор давал мне слепую уверенность, что все будет хорошо. И что нечто сокровенное, такое невероятное между нами, сохранится навсегда. Как же я тогда ошибалась.

4

В средней школе дети становятся чертовски вредными и активными. Учеба уже не приоритет и не способ поднять свой статус, скорее наоборот: если ты хорошо учишься, у тебя будут проблемы в коллективе. С тобой будут любезны только в определенный момент – когда кому-то потребуется списать. И в этом замкнутом круге никогда ничего не изменится, если, конечно, отличник не станет настоящей оторвой.

Я училась очень хорошо и часто помогала классу, а особенно своим ребятам. Не прослыть заучкой мне помогала именно дружба с ними. Таким образом, школа не напрягала никого из нас и, даже становясь старше, мы всегда забрасывали рюкзаки и пропадали до вечера, поздно возвращались домой и рано-рано утром делали уроки. Помню, например, конец шестого класса: никаких экзаменов, лишь четвертные контрольные, которые ничуть не пугали. Придумав тайную азбуку, мы передавали ответы на тесты. Знал ее весь класс, который потом нас за это благодарил.

Первый учебный год был по-особенному взрывным. Такие первоклассники, как мы, добились сразу многого в разных областях. Первокласно, например, бесили учителей, а еще активно участвовали в разных конкурсах и непременно побеждали. Ничего не изменилось ни во втором классе, ни в третьем, ни в четвертом, ни в пятом, ни в шестом. «А»-класс был лидером во всем, и все знали, благодаря кому. Максим был незаменимым старостой и никого не давал в обиду, а еще участвовал с Сашей и Ромой во всех спортивных состязаниях. Аня и я занимали первые места на художественных конкурсах, Женя танцевал и пел от класса, а Егор представлял школу во всевозможных олимпиадах, даже по тем предметам, которых в программе не было.

Все переменки мы проводили в излюбленном месте – в правом крыле на третьем этаже, которое постепенно превратилось в скрытую от глаз учителей игровую зону. Пакости, пока еще мелкие, стали неотъемлемой частью веселой школьной жизни. Склеенные жвачкой волосы впереди сидящей модницы, сворованные булочки в столовой, замазанные корректором «н» и плохие оценки, ссоры с учителями из-за формы и причесок – мы выделялись даже в этом. Как-то раз Максим футбольным мячом разбил окно, а мы с Аней, еще в третьем классе, хорошо так подрались. Просто так, для развлечения, как все думали. На деле мы не поделили самое вкусное пирожное. Тогда нам здорово досталось, ведь Аня разбила аквариум в классе, а я случайно наступила на пару рыбок, а потом взяла одну и кинула в смеющегося рыжего мальчишку, имени которого так и не запомнила. Он очень разозлил меня тогда, как и все. Почему-то они дружно болели за Аню.

Чем старше мы становились, тем безумнее были приколы. Но произошло то, чего не ожидал никто из нас. Против знаменитого на всю школу «А»-класса выступил другой, заметно старше нас. «Бэшки» – так их называли. На самом-то деле это был всего-то 8«Б». Но воевали мы с ними знатно... Даже учителя знали о нашей вражде. И многие уже смирились, потому что в войнах редко есть третья сторона.

«Бэшки» старались переплюнуть нас во всем, и это дико злило Максима. У них был свой «король», как я когда-то его назвала, Алексей, а если проще – Лешка-кулак. Он дрался как бешеный; все падали от его удара левой рукой, и никто не поднимался. В отличие от нас, они никогда не трогали девочек, да и вся компания состояла из парней. Изошренная фантазия восьмиклассников изгалялась, как могла, чтобы подавить «такую мелкую шпану, как эти шестиклашки!». Однажды они разбили две вазы в том крыле, где мы играли, и, естественно, все подумали на нас. Наказание оказалось очень серьезным – не только в школе, но и дома, от родителей. И с тех пор началась война. «Бэшки» – нам, а мы – им. Каждая пакость, совершенная нами, была приписана им, а их – нам. Учителя невероятно злились и путались, разбираясь

до самого вечера, кто прав, а кто виноват. У них не получалось докопаться до истины, которую знали все, кроме них.

* * *

В конце учебного года, первого апреля, мы столкнулись лицом к лицу – уже за пределами школы. На большом поле, где обычно проходили уроки физкультуры, было очень жарко и солнечно. Максим, Саша, Рома, Женя, Егор и я стояли напротив Лешки и его друзей, имен которых никто не знал. Аня болела. Мне казалось, что сейчас начнется драка, как в «Цепи»: одна команда ринется на другую.

– Мы вас поколотим! – зло кинул Лешка и потер свои кулаки, угрожающе хрустя костяшками. – Мелочь поганая! Чего это вы вообще вздумали! Повесили на нас воровство в столовке! Да никогда мы таким не промышляли!

– Сами виноваты! – огрызнулся Рома и шагнул вперед. – Зачем вы подставили нас с кражей в раздевалках?! Мы полтора месяца доказывали, что мы тут ни при чем! Даже полиция приезжала!

– Ром, прекрати, просто побьем их сейчас, и все. Иначе они не поймут...

Максим удивительно спокойно нахмурился и подошел ближе к Лешке. Я стояла справа от него и совсем не боялась: знала, что у нас есть козырь. Он кивнул мне и хитро улыбнулся, после чего незаметно отдал свой телефон и велел спрятать в карман.

Недавно восьмиклассники выкрали запасной ключ от учительской и пробрались туда после того, как в школе остались только охранники. Они взяли журнал и аккуратно исправили свои оценки. Заодно Лешка решил подставить нас снова. Наутро учителя обнаружили, что практически все журналы перемазаны чернилами, испачкана мебель – диваны и столы, – а еще украдено огромное общее расписание. На стекле красной краской было выведено «б “А”». Конечно же, все подумали на нас.

В тот день мы как раз остались готовить плакат к конкурсу. Сложно было не заметить, как из учительской выбегают «бэшки» с краской в руках. Я быстро выхватила телефон Максима и сфотографировала их. Мы решили отомстить и сдать их учителям.

– Пусть девчонка уйдет! – Лешка окинул меня придиричивым, но внимательным взглядом. – Я слабых не бью.

Максим знал, что он так скажет, а потому кивнул мне, чтобы я отошла. Во мне вспыхнуло возмущение, да так быстро, будто загорелся тополиный пух. Но нужно было действовать по плану: если исход драки будет не в нашу пользу, мы ошарашим «бэшек» козырем из рукава. А если она пройдет удачно, то мы используем этот компромат как дополнительное доказательство нашего бесспорного превосходства. Хотя я сомневалась, что все пройдет хорошо. Они все-таки были старше и сильнее.

Дальше все происходило слишком стремительно. Лешка кинулся на Максима, а его друзья – на Рому и Женю. Их тут же повалили и начали избивать – ногами, руками, палками. Они кричали, пытались дать сдачи, но получалось плохо. Я ужасно испугалась и была уже готова прибегнуть к нашему козырю, но Саша и Егор схватили камни и начали швырять их восьмиклассникам в спины. Затем друзья накинулись на них сзади, давая нашим время подняться. Рома и Женя вскочили, Максиму удалось повалить Лешку на землю, но тут раздался громкий свист. Справа, вооруженные палками и рогатками, надвигались одноклассники Лешки. Он обдурил нас всех, никто об этом не подумал.

Я встала на корягу, понимая, что пора хоть что-нибудь сделать и прекратить это. Сердце ушло в пятки, и я громко, надрывно закричала. Все отвлеклись. Повисла тишина.

– Если вы не прекратите, то все учителя, завучи и директор узнают, кто на самом деле учинил беспредел в учительской! У меня есть фотографии! Хватит!

Наивно было полагать, что «бэшки» тут же отступят и покорно сложат перед нами палки и рогатки в знак поражения. Но я искренне пыталась спасти друзей.

Восьмиклассники, поняв, какие им грозят проблемы, решили действовать жестко. Некоторые из них встали между мной и остальными; другие скрутили Максиму и Роме руки, а Сашу, Женю и Егора повалили на землю. Друзья были в крови и синяках, тихо шипели, но внимательно наблюдали за происходящим, за мной. Им было больно, а мне – страшно. Лешка отошел от них и вместе с тремя ребятами двинулся ко мне.

– Отдавай мне фотки немедленно! Иначе я переступлю через свое правило и мы поколотим тебя!

Ноги будто вросли в корягу. Я сжала телефон Максима в кармане и растерянно посмотрела на надвигающихся ребят.

– Отдай, говорю. И мы тебя отпустим, а они будут сами отдуваться за свою тупость. Немедленно!

Вдох-выдох. Надо было успокоиться и быстро сообразить, что делать. Если отдать телефон – они его сломают, а меня посчитают предателем. Никто никого не отпустит... А если я убегу? Если смогу спрятаться? На меня отвлекутся, а Максиму удастся всех побить.

– Я...

Сердце колотилось. Ладони вспотели. Надо было бежать, быстро и как можно дальше, в какие-нибудь неизвестные «бэшкам» закоулки. Мы столько времени потратили на изучение города! Надо спрятаться там, где меня точно никто не найдет. Надо сохранить телефон, чтобы мы могли доказать свою невиновность.

Бежать, бежать, бежать. Я же смелая, всегда иду вперед.

Я едва заметно кивнула смотрящему на меня Максиму, подавая знак и надеясь, что он поймет. Затем я сорвалась с места и побежала по тротуару вдоль трассы. Далеко-далеко. За мной рванул Лешка со своими друзьями, зло крича вслед:

– Ты еще пожалеешь!

Ноги подкашивались, воздуха не хватало, но я мчалась, спотыкаясь и едва не падая. Решение пришло ментально – держать курс за дома. Там много деревьев, кустов и грядок; наверняка «бэшек» остановит какая-нибудь бабуля, меня-то там давно знали. А еще там есть балконы и выступы, за которые можно спрятаться, тропинки, скрытые травой, заросли винограда и... наш тайный склад за густыми кронами вишни и шпанки.

Я до сих пор слышала голос Лешки – он бежал за мной и, кажется, догонял. Но знание местности было моим преимуществом. Неожиданный поворот направо. Еще пара шагов... Ухватиться за ветку, подтянуться. Я забралась в тайник и ползком пробралась вглубь. Дыхание было тяжелым, легкие саднили. Я увидела, как восьмиклассники промчались мимо. Мгновенно полегло – я смогла. И наверняка смогли остальные. Они выбрались и теперь бегут сюда, чтобы помочь мне.

– Где она?!

– Я не знаю!

– Смотри за шифером, под балконами! Она была тут только что! Повернула сюда!

В голосе клокотало раздражение. Я села на диван и достала из кармана телефон, чтобы положить его в рюкзак Максима, валяющийся тут уже второй день. Внезапно голоса стихли – но это не вызвало у меня подозрений. Казалось, «бэшки» ушли.

Тени запрыгали по бетонному полу, послышался шелест листьев. Кто-то запрыгнул на балкон и медленно поднялся, осматриваясь. Я вжалась в стену и сползла вниз.

– Кажется, девчонка спряталась здесь. Наверное, это их место? Смотри... – Какой-то высокий мальчишка указал на сложенные в углу рюкзаки и альбомы, стопку карт на столе.

– Ага, – согласился забравшийся на балкон Леша и хмыкнул. – Ты посмотри. Карта. Они рисовали ее сами. Наша школа...

Он сделал пару шагов вперед, а затем повернул голову, и мы столкнулись взглядами. От ужаса я распахнула глаза. Внутри все похолодело и предательски сжалось.

– Вот и беглянка. А ну отдавай фотки!

– Я телефон по дороге выкинула! А они были там!

Это отчаянное вранье оказалось абсолютно абсурдным. Лешка криво усмехнулся и с силой оттолкнул меня к стене. Дыхание сперло. Он подошел ко мне и сдавил шею, впиваясь ногтями в кожу и не давая вывернуться.

– Переверните здесь все и найдите его. Иначе нас могут исключить. А этим мелким все сойдет с рук. А тебе... – Леша сощурился, хищно оскалился, глядя на меня. – Ты хочешь, чтобы я оставил тебя в покое? Почему ты убежала? Отдала бы телефон, и все. А теперь сама будешь расплачиваться...

Он грубо схватил меня за волосы и ударил головой о бетонную стену. Перед глазами поплыли белые пятна. Лешка усмехнулся, оттолкнул меня, будто отбрасывая мусор, и направился к столу.

– Не трогайте здесь ничего! – Я ринулась за ним, оттаскивая от стола. Язык будто отнялся, руки похолодели. Я нарушила главное правило, пусть и невольно, – рассекретила наше место. – Не трогайте, пожалуйста!

Лешка вцепился в мою руку и крепко ее сдавил, заводя за спину и шипя на ухо:

– Ты сама виновата. Мы все здесь перевернем! А теперь беги. Беги, пока я не передумал и не побил тебя!

На глазах от обиды и боли выступили слезы. Я дернулась, но сделала только хуже.

– Маленькая соплячка! – Лешка толкнул меня к балкону, а затем резко отпустил.

Я упала на траву и громко вскрикнула, сжавшись от отвратительной колющей боли по всему телу. Сухая ветка впиалась в колено. Нигде не было ни Максима, ни Сашки с Ромкой, ни Жени, ни Егора. Никто не мог мне помочь.

– Кто-нибудь, пожалуйста...

С губ сорвался тихий всхлип. Я правда превратилась в соплившую, испуганную девчонку. Хотелось звать на помощь, но я знала: звать некого. Ребята не придут, они слишком далеко. Я должна сама отстоять наше убежище.

– Уйдите оттуда, пожалуйста!

Я знала, что теперь ничего не будет как раньше.

Стоял грохот. «Бэшки» переворачивали наш тайный склад вверх дном. Сломали диван и разодрали на лоскутки плед. Разбросали альбомы, превратили стол в щепки, порвали с таким трудом нарисованную карту, расшвыряли книги. Некоторым не повезло больше – страницы усеяли испачканный грязными следами бетонный пол. Истоптанные вещи лежали в осколках лимонадных бутылок.

– Нашел! – раздался незнакомый, довольный голос.

Восьмиклассники выкинули все из наших рюкзаков, распотрошили их и все-таки нашли телефон. Я не справилась. Колено сильно кровоточило, рука до сих пор ныла. Я стиснула зубы, потому что чертовски испугалась. А еще мне было до ужаса стыдно. Как теперь смотреть в глаза ребятам? Я же привела врагов практически к себе домой! Глаза покалывало от слез, а тело словно сковало, и двигаться было сложно. Мысль остаться здесь и подождать, когда мои избитые друзья увидят этот бедлам и осудят меня, казалась невыносимой. Куда лучше сбежать от их разочарованных взглядов.

Вечер я провела, преследуемая отвратительной паникой. Рассекретить тайный склад – предательство? Предательство, непростительное. Что с людьми делают за предательство? На войне – расстреливают. Смертная казнь грозила и мне, потому что я дала клятву никому не выдавать это место. А в итоге привела туда врага.

* * *

Утром в дверь настойчиво позвонили. Бабушка посмотрела в глазок и заулыбалась.

– Настенька, к тебе друзья пришли. Пойди погуляй с ними, я сейчас конфеток принесу.

Она ушла, открыв дверь. Я вышла в коридор и тут же встретила взгляд Максима, полный презрения, злости и даже ненависти. Он смотрел долго и пронзительно; сжимал кулаки; его губы побелели от напряжения. На скуле темнел огромный синяк, две ссадины рассекали губу и подбородок. Костяшки были сбиты. Неизвестно, сколько синяков скрывала одежда. Неужели друзьям пришлось так тяжело? Я сжалась.

– Вот, держи, золотуля. – Бабушка вручила мне пакет сладостей, а затем, взглянув на Максима, охнула от ужаса. – Боже мой! Мальчик мой, кто с тобой это сделал?.. И моя Настенька пришла побитая! На вас кто-то напал? Да? Может быть, мне написать в полицию? Это же так опасно...

Он перевел взгляд на нее и криво улыбнулся.

– Я столкнулся с другими ребятами с нашей школы. Хотел защитить девочку. А теперь зашел за Настей.

– А я вчера просто упала.

Бесстыдная ложь, которую я поддержала.

– Конечно, бегите. И будьте очень осторожны!

Я тихо выдохнула и вышла на улицу, молча направляясь за Максимом.

Мы пришли к нашему убежищу. Там стояли все, даже Аня, и молчали. Я судорожно сжимала в руках пакет.

Максим подошел к остальным, а затем повернулся и обозленно бросил мне:

– Обманщица.

– Предатель, – добавил Рома и сжал в руке палку. – Они все испортили там! Они...

– Пусть сама увидит.

Меня обступили. Я оставила конфеты и забралась наверх. Все действительно было разрушено, абсолютно все. Яркие стены с нашими рисунками замазали черной краской и замазали унижительными ругательствами. Вещи, еще вчера просто грязные, оказались порваны в клочья, шахматная доска – сломана пополам, а фигуры – хаотично разбросаны. Король был приклеен скотчем чуть ниже надписи «Мелочь». У меня не нашлось слов. Максим встал впереди и кинул в груду обломков остатки своего телефона.

– Ты жалкая. Ты ничего не смогла.

– Ты нарушила наше правило. – Аня шмыгнула носом и поморщилась.

Рома и Саша молчали.

– Лучше бы тебя в отстойник кинули, как мы кидали лягушек! – бросил Егор.

Мы с ним хорошо дружили раньше. Я не думала, что и он будет так зол. Но судя по их виду, злы все. На каждого было больно смотреть.

– Мы думали над наказанием. – Голос Максима звучал так холодно, что меня бросило в дрожь. Где ласковый темноволосый мальчишка, который говорил, что у меня хороший удар? – И поняли, что ты никогда не искупишь свою вину, слабачка.

– Что мне делать? – Я опустила глаза и продолжила: – Я хотела увести их! Я думала, они не найдут это место, я бежала, долго путала их и...

Меня прервали толчком в плечо.

– Ты никогда больше не будешь нашим другом. Жалкая...

Говорить начал Максим, но внезапно его взгляд упал на пол. На губах расплзлась острая, какая-то акулья улыбка. Он поднял одну черную шахматную фигурку, сжал в ладони, а затем кинул мне в ноги. Я подобрала ее.

– Жалкая пешка.

Хотелось кричать на предельной громкости. Хотелось сойти с ума, провалиться сквозь землю и исчезнуть, просто испариться. Но я жалко всхлипывала, продолжала стоять и смотреть в грязный пол.

* * *

С тех пор все изменилось. Со мной практически не разговаривали; наоборот, день за днем казалось, что обида друзей только крепнет. Каждое утро Максим заходил за мной, и мы вместе шли в школу – молча, быстро. Там никто не общался со мной, даже не просил помочь с заданиями. Саша, Егор, Женя, Рома и Аня смотрели на меня как на пустое место. Одноклассники поняли это, и вскоре со мной перестали разговаривать все. Это было как эпидемия или биологическое оружие: распространялось медленно, но неотвратно. Меня будто... отрезали от них. Переместили в совершенно недостижимую вселенную. Казалось, меня просто нет. И только учителя доказывали обратное.

Я по-прежнему ходила с Максимом и остальными, и меня все так же везде пихали первой. Только теперь это приобрело другой смысл. Например, вину за погром в учительской повесили на меня. Пришлось вытерпеть и разговоры с директором и школьным психологом, и воспитательные беседы дома. Все купились. Учителя стали занижать мне оценки. Ребятам не волновало, что я волочусь где-то сзади. Меня не существовало. Но бывали нередкие моменты, когда они обращали на меня внимание, и тогда я снова хотела стать невидимкой. Их издевки доводили меня до слез. В классе у меня появилась кличка – Толстая тупорогая верзила. И все равно, что толстой я не была. Вся школа знала, что булочки ворует Толстая тупорогая верзила. Все так думали, и все смеялись. Даже восьмиклассники ненадолго успокоились, явно довольные результатом.

Каждую ночь я плакала, кричала и просила о помощи. Никто не знал и не слышал.

Однажды Егор предложил странную идею – повторный поход по всем изученным нами подвалам. Причиной он назвал испорченную карту, но я не ждала ничего хорошего и была права.

Первым в списке стал подвал недостроенной окраинной больницы, далеко-далеко. Мы шли туда полдня, меня слишком настойчиво звали с собой, а потом, как только мы пришли, затолкали внутрь и заперли. Там были крысы, воняло мочой и валялись шприцы и жгуты. На полу были следы кострища. Единственным моим источником света остался телефон.

Я знала, что это сделали специально, и думала, что меня скоро выпустят; молча сидела на лестнице и ждала, когда же дверь откроют. В недалеком детстве открывали скоро. Прошел час. Два. Если судить по времени, на улицу спустились сумерки. Стало ощутимо холодно. Дверь была заперта, никто не отзывался. Я просидела там много часов, до глубокой-глубокой ночи. Стучала в дверь, кричала и плакала, надеясь, что дома меня уже хватились. Было не просто темно – какой-то неведомый леденящий ужас окутал меня с ног до головы, заставил забиться в угол, крепко зажмуриться и тихо молить, чтобы всё оказалось лишь кошмарным сном.

Наконец дверь открыл какой-то мужчина, который, как я подумала, был полицейским или охранником. Он пораженно посмотрел мне вслед – я выбежала слишком быстро и, лишь когда обернулась, заметила, что мужчина в оборванной одежде, что он сутулится и наверняка там живет.

Я пересекла широкое поле, преследуемая страхом, что вот-вот меня настигнут, вышла на трассу и, ежась от ветра, пошла вперед. Я сходила с ума. Совсем потерялась и просто шла куда глаза глядят, едва вспоминая путь домой. Позвонить кому-то было невозможно: сеть не ловила. Только потом, когда я подошла к остановке, на экране появились белые палочки –

можно звонить. Но я не стала. У меня обязательно спросят, где я была и как туда попала. Кто меня запер. Я не хотела второй раз предавать ребят.

На первом автобусе я вернулась домой. Там налетели родители, но ничего от меня так и не добились. Меня посадили под домашний арест.

Как только он закончился, за мной снова зашел Максим.

5

Все изменилось, я искренне в это верила. Прошло слишком много времени, чтобы все оставалось как прежде. Места, люди, их мысли. Может быть, произошло что-то важное, а может, не произошло ничего, но так или иначе, мы выросли, каждый из нас. Даже не так: повзрослели, образумились. И теперь должны поступать обдуманнее, взвешивать все «за» и «против», смотреть на шаг вперед, предугадывая, как повернутся обстоятельства. Кончается десятый класс, совсем скоро настигнет ЕГЭ. Учителя, должно быть, все уши про это прожужжали. Закормили тестами, проверочными работами и подготовками. Такая ответственность, чтоб ее! Но вдруг это изменит человека и выбьет из его головы дурные мысли? Заставит стать сдержаннее и понять, что хорошо, а что плохо? Мы же больше не те импульсивные дети со смертельными обидами и хитрыми кознями. Ничего не осталось как прежде, верно?

Снег до сих пор шел – мелкие белые снежинки тут же таяли на мокром асфальте. Слишком тепло и ветрено. Я постоянно поправляла волосы и оглядывалась, направляясь к школе. Накатывало странное-странное чувство, которое очень сложно описать. Оно мучило. Постоянно казалось, что детские игры и правила вернуться; что знакомый голос из ниоткуда скажет: «Ну, храбрец, вперед», и придется действительно идти, доказывая свою несуществующую смелость. Снова принимать первый удар, а потом делать вид, что все хорошо.

Одновременно... мной овладевала ностальгия. Время неумолимо летело, столько прошло – а я все равно помнила каждую тропинку и поворот. Помню, как я забиралась на лестницу и мнила себя царем горы, как мы играли до стрекота кузнечиков, а потом расходились по домам, боясь, что из-за непослушания нам не приснится волшебный сон. В кустах Аня прятала свои вещи, чтобы не нести их домой, а Женька вечно напоминал забрать их. Я помнила ребят и, наверное, в глубине души хотела увидеть, чтобы доказать, что я стала лучше. Сильнее. Крепче. Красивее. Увереннее. Что меня теперь не так легко напугать, что я могу дать отпор. Им. Всему миру. Я – личность, которая имеет право существовать и нормально жить. Но все равно было страшно из-за встречи, неизбежной, как смерть. Я думала, что выдержу, потому что не забыла, потому что помню все, даже наши маленькие тайны.

Школа. То же здание всего в три этажа. Облезлая розовая краска и выгоревшая надпись над главным входом: «Добро пожаловать! Мы вам рады!» Массивные деревянные двери с коваными ручками; две пустые клумбы по обе стороны крыльца – когда-то там росли цветы. Потрескавшаяся грязно-серая плитка и спящий охранник. Незнакомые маленькие дети, снующие по знакомым узеньким коридорам. Совсем спокойные, не то что мы когда-то. Невольно я улыбнулась.

Справа висела доска почета. В середине третьего ряда когда-то красовалась и моя фотография. Сначала ее разрисовали, а потом выжгли. В этом месте до сих пор виднелась оплавленная пластмасса: похоже, у школы не было денег на новый стенд.

Прозвенел звонок. Я пошла в библиотеку за учебниками. Взгляд зацепился за «Теорию шахмат». Когда-то мы мнили себя настоящей командой, всегда сражающейся против других и имеющей неприступную крепость. Присвоили себе роли и ими оправдывали свои действия и слова. У каждого были полномочия, права и обязанности, хотя в детстве это называлось совсем не так. После первой игры в шахматы я стала этим интересоваться. На секунду пришла мысль, что сейчас состоится дебют. Первые ходы, первые действия. Мобилизация сил противников. Совсем как на войне.

Я усмехнулась и вышла из библиотеки. Какие глупые мысли. Конечно же, это не война, а детский лепет. Всего лишь школа, первый день.

Я опоздала. В классе стоял шум, ребята болтали чересчур громко, обсуждая какой-то предстоящий матч. Видимо, учителя не было. Тело будто сковало нечто липкое и вязкое.

Пальцы неуверенно сжали холодную ручку. Я медлила, будто готовясь к чему-то грандиозному, неизбежному и устрашающему. Это действительно было так. Вдохи стали медленнее. Закусив губу, я опустила голову.

Подготовка к столкновению.

Небольшое усилие, и дверь резко открылась. Сердце будто пропустило удар, а затем продолжило биться. Ребята замолчали и повернулись, наверное, думая, что пришел учитель. Я зашла и молча остановилась у чистой доски. Оценивающие и непонимающие взгляды, будто противные тараканы, ползали по мне. Хотелось смахнуть их. Тихие шепотки и вопросы. Так должно быть, когда встречаются новенького в конце года. Их предупреждали. Но говорили ли имя? Вспомнили ли они меня? Знакомые лица удивленно вытянулись, но среди них не было тех, кого я узнаю в любой толпе и даже в гриме. Никого из *них*.

– К кому ты? Инны Викторовны еще нет, – спросил какой-то парень у подоконника.

Я молча пожала плечами. Ожидание тянулось все мучительнее, но одновременно становилось и легче. Не было ни Максима, ни Саши, ни Жени, ни Ромки с Егором, ни даже Ани. Значит, мы в разных классах и мне просто чертовски везет.

Внезапным вихрем ворвалась низенькая полненькая учительница с выбеленными волосами, похожими на гнездо. Ребята как по команде встали и вышли из-за парт, приветствуя ее.

– Так, вы уже познакомились? Настюша, подойди ко мне.

Почему все всегда зовут меня так ласково? Я оторвалась от доски и подошла к Инне Викторовне. Все снова смотрели, и почему-то мне хотелось их убить. Учительница нежно приобняла меня за плечи.

– В седьмом классе ты уехала, и вот ты снова с нами! Настя Шереметьева, добро пожаловать в наш дружный коллектив.

Наверное, это она сказала для новеньких, которые и ухом не вели, совсем ничего не знали. А вот остальные, кто учился здесь с первого класса, буквально изменились в лице. Кто-то усмехнулся, кто-то цокнул языком, а кто-то, на удивление, улыбнулся.

– Садись с Аленой. Третий ряд, четвертая парта.

Аленой звали высокую крепкую девушку с выбритым виском, длинной красноватой челкой и квадратными очками, которые ей неожиданно шли. Она подперла подбородок ладонью, вскинула проколотую бровь и подвинулась, уступая мне место у окна. Наверное, всегда сидела одна – и тут на тебе, подарочек.

Ладони вспотели от волнения. Я прошла по ряду и села, выждала некоторую паузу, а затем, слотнув и промочив сухой рот, обратилась к соседке:

– Привет.

Алёна повернулась ко мне и слегка усмехнулась.

– Привет. Чего это все так заохали?

Точно новенькая. С восьмого или девятого класса. А может быть, совсем недавно пришла, в начале десятого. Это не имело значения.

– Я училась здесь с первого класса. Училась, училась, а потом кое-что случилось, и мне пришлось переехать. Даже не знаю.

Конечно, это была ложь, и Алена явно мне не поверила. Она мотнула головой, цокнула языком, глубоко вздохнула и медленно, расслабленно откинулась на спинку стула.

– Они так смотрели. Ну, некоторые. Нехорошо тебе.

Инна Викторовна нахмурилась и посмотрела на нас. А я только и думала: что значат ее слова?

– А ну прекратите болтать! Итак, появление новенькой – не все новости на сегодня. С регионального соревнования, как вы помните, возвращаются двое наших спортсменов! Саша Сачков и Рома Андропов заняли второе и третье место! Им выдали дипломы и свидетельства, наградили медалями.

Дверь отворилась, и в класс зашли они. Действительно они. У меня глаза полезли на лоб, я не успела даже осмыслить происходящее. За Сашей и Ромой появился Максим, а секунд через пятнадцать едва ли не кубарем влетел Егор.

– Извините за опоздание! – Его голос стал заметно грубее, чем несколько лет назад.

– Садитесь уже, не мешайте поздравлению! – проворчала Инна Викторовна и взяла в руки дипломы и небольшие «золотые» медальки.

Ребята встали рядом с Сашей и Ромой, довольно улыбаясь и подмигивая кому-то в классе. Я с нескрываемым любопытством и страхом ждала, когда же они увидят мое лицо, неожиданно наткнутся на меня среди знакомых.

И вот, первое столкновение произошло.

Улыбка Максима мигом исчезла. Он стал мрачнее тучи и свел брови домиком, невольно выдавая себя. Его взгляд, будто спрашивающий «И кто же это здесь у нас?», нарочито удивленный, но такой ядовитый, столкнулся с моим. В классе сгустилось напряжение. Награды мальчишек, уже взрослых мальчишек, не интересовали даже их самих. Сначала Рома, а затем и Егор, и Саша уставились на меня. Они узнали. Просто не могли не узнать.

– Я гляжу, у нас пополнение. – Максим не выдержал и усмехнулся.

Инна Викторовна смерила его недовольным взглядом.

У меня внутри все оборвалось. В голове будто произошел взрыв; в ушах начался стеклянный звон. Невидимые шторы опустились на глаза, и я уставилась только на изменившееся, ставшее за эти годы более мужественным лицо Максима. На мой страх детства, от которого я пыталась бежать и к которому сама вернулась.

– Как невежливо! Сядь на место или скажи, что хотел!

Максим не отрывал от меня взгляда, будто сжигая им и желая, чтобы мое место оказалось пустым. Алёна внимательно наблюдала за нами.

– Я приветствую новенькую. И... – Пауза. Сердце бешено билось в груди. – И напоминаю классу, что скоро состоится полуфинальный матч этого сезона – с пятой гимназией. Приглашаю вас поболеть.

Кажется, одноклассники тоже всё заметили. По рядам прокатилась короткая волна шушуканий. Предположения, догадки, сплетни...

– Мы обязательно придем. – Какая-то светловолосая девочка ответила за всех, только бы нарушить молчание.

– Ой, хвостун. Садитесь уже, – проворчала Инна Викторовна, села за стол, открыла журнал и начала переключку.

Друзья детства не сводили с меня взглядов. И я бы так и продолжила смотреть в ответ, если бы не тычок в бок.

– А?

– Хватит пялиться, – одернула соседка.

Спасибо, очень вовремя. С губ сорвался тихий выдох, я уткнулась взглядом в тетрадь и больше на *них* не смотрела. Они сели на свои места. Урок стал пыткой. Взгляды буравили спину, яд въедался под кожу, заставляя ежиться и дергаться. Чертово время. Почему оно течет так медленно? Я хочу сбежать, но некуда. Желание доказать, что я изменилась, забылось в одно мгновение.

Алёна поправила очки и хмыкнула. Ей совсем не было страшно, и она точно не понимала моих чувств. Или это не так?

– На перемене пойдем в столовую? Перекусим. Туда обычно наши не суются, булки нашему классу не продают больше.

А может и понимала, поэтому решила помочь и увести отсюда. Я была ей безумно благодарна, хоть и сидела молчком: вросла в стул, закрылась ладонью, сжала в руках ручку и стиснула зубы. Ничего не изменилось – я поняла это. Все осталось в точности как прежде. Люди,

места, мысли. Старые обиды. А может, стало хуже. *Он* не изменился. От него можно ждать чего угодно, а они всегда ему помогут.

Я пропала.

Время замерло. Тетрадь пустовала, хотя наверняка материала дали мама не горюй. Алёна пару раз выходила к доске, писала непонятные закорючки, скрипела мелом и что-то объясняла. Информация пролетала мимо, совершенно не задерживаясь в голове. Я будто зависла в параллельном пространстве, не воспринимая ничего вокруг.

Наконец, со звонком, одноклассники засобирались, встали и медленным потоком вышли из кабинета. Меня унесло вместе с ними, а затем кто-то цепко схватил меня за руку и потянул по узкому темному коридору.

Мы спустились в столовую, где толпился народ. Младшеклассники ссорились у прилавка со вкусными булочками, старшие нагло пролезали вперед и посмеивались. Послышался звон стекла. Кто-то разбил тарелку. Алёна вздохнула.

– Здесь часто такое случается. Скоро наша школа разорится на посуде.

Я собрала себя в кучу и немного расслабилась. Никого из *них* рядом не было. Алёна отдала деньги и попросила принести два пирожка с малиновым конфитюром и два стакана мультифруктового сока. Мы сели у окна, в конце длинного стола.

– Чувствую, интересенькая история, да? – Алёна скинула с плеча рюкзак и выжидающе на меня посмотрела.

– Ты ее не знаешь и лучше не узнавай.

– Это только делает ее еще интереснее. Расскажешь?

– Может быть, когда-нибудь расскажу.

Я совсем не знала ее, с чего так слепо доверять? Я же не дура.

– Когда-нибудь – понятие растяжимое. Я все равно узнаю. Думаю, мне есть от кого. – Она хохотнула, а затем повернулась в сторону шумной очереди.

Я проследила за ее взглядом и остолбенела. Кто-то знакомый шел к нам с пирожками и стаканчиками сока. Парень, не особо высокий, сероглазый, с темными, слегка вьющимися волосами. Уверенная походка, прихрамывание на левую ногу и длинный вертикальный шрам на ключице – я его помнила. В детстве, в драке с Лешкой, ему рассекли кожу ключами от квартиры; остался рваный след. Женя. Я подорвалась с места, но Алёна как-то удивительно добродушно улыбнулась ему.

– Садись. Насть, подвинься. Знакомьтесь...

– Давно не виделись.

Сказать, что Женька удивился, значит ничего не сказать. Он остановился напротив и неотрывно смотрел на меня, но... не так, как другие. Казалось, он неожиданно встретил старого если не друга, то хорошего знакомого.

– Давно. – Я недоумевала, почему он так реагирует. Почему он сейчас не с *ними*.

– Тебя сегодня перевели? Я учусь в другом классе.

Понятнее не стало.

– Так вы знакомы. Хм... – Алёна нахмурилась. – Кажется, я начинаю понимать, в чем дело. Компания Максима в этом замешана, да?

– Да. – Женя отдал нам пирожки и сок, а затем сел напротив меня. – Наверное, тебе никто ничего еще не рассказывал. Хотя кто тебе мог что рассказать...

Я кивнула. Он только вздохнул, видя мою опасливую осторожность. Алёна надкусила пирожок, готовясь внимательно слушать. Ей не терпелось все узнать.

– В середине года, когда ты уехала, буквально началась война. Нет, серьезно война. Между нами и Лешкиной стаей. Они звали себя волчьей стаей. Ну или их так прозвали, не суть важно. – Лицо Женьки было спокойным, он с интересом смотрел на меня. – После разгрома склада мы настолько увлеклись кознями для тебя, что забыли об осторожности. В итоге неко-

торые разбои в школе повесили на нас. Макс потерял возможность пойти в спортивный колледж после девятого класса, потому что о колясочной узнали жильцы дома, написали заявку в ментовку... И, в общем-то, на нас обрушилось еще обвинение... Блин, как же там... Незаконное проникновение, что ли. Не помню точно. Мы стояли на учете в школе и в полиции. Саша и Рома не допускались до конкурсов и на полтора года вылетели из активной жизни класса. Ане приходилось возвращаться домой в семь из-за домашнего ареста, а потом родители и вовсе отправили ее подальше от нас в колледж, учиться на кондитера. Егор бегал за ней хвостиком. Шуточки Макса становились все злее. Мы задирали всех подряд, потому что не было тебя, но при этом никто новый так и не смог вписаться в нашу компанию. Ты уехала. Злиться было не на кого, мы злились на всех подряд. Он особенно. Постоянно таскал в компанию всяких девчонок, и они потом его сторонились... В общем, раз дошло до того, что Максим сломал одной из них руку. Было крупное разбирательство. А я на это не подписывался и после того случая, в ноябре девятого класса, отбился от них. Мне кажется, это слишком. Что они творят сейчас – знаю только по слухам и по рассказам его мамы. Она стала к нам часто захаживать.

Я была в шоке. О пирожке я так и не вспомнила, только сжала его так, что вся начинка вытекла на стол. Значит, вот оно как. Наша игра стала не только нашей, да и досталось не только мне.

– Кто бы знал, что пара фотографий в телефоне перевернет жизнь далеко не одного человека.

– О да. – Женя усмехнулся и подал мне салфетку. – Я совсем на тебя не злюсь. Думаю, мы сами виноваты. Шестиклассники полезли на восьмиклассников своей маленькой компанией. Ну не глупость ли? Ты тут ни при чем.

– Ты правда так думаешь?

Он кивнул, а Алёна нахмурилась. Видимо, еще не все поняла.

– А Егор? Аня? Саша? Рома? Нет?

– Глупый вопрос. Корнем всего этого считается склад. Даже если опустить факт того якобы предательства нарушения правила и всего такого, все равно именно разрушение нашего тайника сделало свое дело и запустило цепную реакцию.

А Женя ничуть не изменился. Такой же умный, с отлично подвешенным языком и явно смелый. Многие овцы боятся отделиться от стада, но он – нет.

– А ты? – Я перевела взгляд на Алену. – Где ты в этой истории?

– Я пришла в середине девятого класса, мы с Женькой сдружились и теперь не разлей вода почти два года. – Она пожала плечами так, будто это была ерунда. Хотя, может, это в моей голове все в разы усложняется.

– Вы не встречаетесь?

Они переглянулись, а затем одновременно фыркнули.

– Ну уж нет. Он мне как брат, которого у меня нет.

– Вот то-то же.

Женя надкусил мой полупустой пирожок, и у меня отлегло от сердца. Школьная жизнь обещала быть не такой ужасной, как я успела придумать за пару часов. Алёна была настроена ко мне, видимо, дружелюбно. Да и Женя не язвил и не хотел меня придушить.

– Мне все равно никто не рассказал. Я ничего не понимаю. Вы дружили с первого класса?..

– Раньше, – кивнул он.

Я оглянулась.

– Дружили с детства. А потом нашли себе тайное место. Подрались со старшеклассниками. Это место разрушили. Вы ее возненавидели и затравили? А потом она уехала. – Алёна смотрела на Женю, а он нехотя кивал на каждую фразу.

– Ну... – Видимо, ему не хотелось признаваться, что именно так и было. Или просто были неприятны эти слова. – Да. Примерно так.

– Ясно все с вами...

Она замолчала. Мы втроем посмотрели на вход в столовую. Максим с Сашей и Ромой зашли и бросили сумки на широкий подоконник у первого окна. Они скинулись и направились к очереди. Взяли подносы, растолкали людей и купили еды.

– Обычно они не приходят, – невесело сказала Алена.

– Сегодня особенный день.

Слова Жени в точности описывали ситуацию. Максим немного постоял у конца очереди, а затем парни пошли выбирать столик. Кружили, кружили возле нас, будто совсем не замечая. Но я знала, что это делается, чтобы надавить на меня, понаблюдать за реакцией. Понять, что изменилось, и выбрать план действий. Это разведка. Казалось, столовая – это море, мы – одинокая лодка вдали от берегов. А они – голодные акулы.

Было принято решение отступить.

6

Больше Максим не попадался мне на глаза, и даже на уроках его не было. Акула покружила в море, а затем, так и не найдя пищи, отправилась искать другую жертву вместе со своей стаей.

Оно и к лучшему. Я надеялась, что сегодня не будет второго столкновения. Не хотелось вновь испытывать сковывающий страх, особенно перед ним. Когда открываешь рот и есть что ответить, но слова проклятым комом застревают в горле. Когда тело не слушается, а ноги врастают в пол. Ощущение уязвимости и слабости.

Во время уроков иногда слышались негромкие шепотки одноклассников. Всем, особенно новеньким, было интересно, что же произошло. Звучали предложения, что «эту Настю» снова можно игнорировать, а можно загнობить. Самые умные слова я услышала от того рыжего мальчишки, который в детстве получил рыбкой в глаз. Он спросил, отчего бы просто не забить и не начать учиться, откуда столько внимания к какой-то левой девчонке. Было бы неплохо, если бы его послушали. Хотелось перед ним извиниться за случай с рыбкой.

Алёна с упоением рассказывала о том, что случилось за это время и в какие передраги успел вляпаться «А»-класс за десятый год обучения. Я заметила, что она часто повторяет слово «проблемки» и постоянно поправляет очки, а если ей скучно – тербит серебряные серьги-звездочки в ушах. Это было интересно – подмечать незаметные детали, наблюдать. Так можно много о чем узнать. Например, о том, что человек по-настоящему чувствует. Его лицо все расскажет за него.

На двух последних переменках к нам приходил Женя: становился у подоконника и неотрывно меня рассматривал, попутно болтая о всяких интересных моментах из своей жизни. Скользя взглядом по моим волосам, ушам и рукам, он сказал, что его семья распалась, родители развелись и теперь жить приходится с Максимом и его мамой. Что это не круто, что такая жизнь полна ссор и упреков. Раньше – братья и лучшие друзья. А сейчас – практически чужие. Но, кажется, Женю это не очень беспокоило.

Я видела, что у него чешется язык что-то сказать.

– Ты так изменилась. – Он закусил губу и кинул взгляд на Алену, которая непонимающе посмотрела уже на меня.

– Так прошло много времени. Это естественно. – Я тихо усмехнулась.

Постепенно напряжение между нами сходило на нет. Казалось, ему можно доверять чуть больше, чем другим.

– Твои... Волосы раньше были светло-русыми.

– У тебя хорошая память.

Удержаться от сарказма было крайне тяжело. Но настроение медленно ползло вверх. Все складывалось подозрительно неплохо. А если все складывается именно так, значит, где-то определенно есть подвох, которого нужно остерегаться. Я поморщилась от своих мыслей и задалась вопросом, почему нельзя просто расслабиться.

«Потому что это война. Затишье перед бурей. Партия», – будто прозвучало в моей голове.

– Да, даже очень. Ты же это знаешь. Я умный, – согласился Женя, а затем махнул рукой.

Прозвенел звонок. – До встречи.

Он убежал, а мы с Аленой пошли на занятия. Она все говорила о том, что не может представить меня с русыми волосами.

– Н-да, вот это проблемки.

Когда занятия кончились, я быстро собрала вещи, натянула черное драповое пальто – свободное, похожее на небольшую палатку – и вышла из школы, бегло прощаясь с теми, кто со

мною вообще говорил. Нужно было сходить в магазин и скорее добраться до дома. Не хотелось сталкиваться ни с кем, даже с Женей.

По дороге шли незнакомые ребята. Они весело переговаривались и смеялись. Я не вслушивалась и надеялась затеряться в потоке, чтобы потом свернуть на свою тропинку. Снег прекратился, дождя тоже не было. На улице царил удивительно теплая погода. Солнце светило так ярко, что порой приходилось закрываться рукой. Громко щебетали птицы. На деревьях набухали почки. Это располагало к хорошим мыслям.

Я отделилась от людей, свернула меж домами, выходя на знакомую с детства тропу, и на всякий случай обернулась. Никто не шел сзади, во дворе царил полнейшая тишина. Выдохнув, я пошла дальше. Оставалось совсем немного...

– Что она с собой сделала... – Отрывок какого-то разговора донесся до меня.

Голоса были знакомыми. По коже побежали неприятные мурашки.

– Не знаю, сам спроси.

Кто-то сзади усмехнулся. Их было двое? Трое? Или на этот раз все? Почему именно сейчас они пошли этой дорогой? Я крепко сжала губы и мысленно повторила «Не оборачивайся! Не смей оборачиваться! Тебя это не касается!»

– Розовая... Грязно... Ты только посмотри!.. Не понимаю, может, ты поймешь... Пойдем на мелзавод сегодня... Ты смог купить?... Наверное, дорого... Три спичечных коробка... Зеленый пакетик... Я куплю... четыре литра... С вас деньги, один не потяну...

Я ускорила шаг, только чтобы не слышать их и скорее добраться до дома. То, о чем говорил Максим с Ромой и Егором, осталось загадкой, которую не очень-то хотелось разгадывать. Наверное, сегодня они пойдут гулять на мелзавод. Может, поднимутся на крышу и усядутся на полуразрушенной бетонной трубе. Когда-то мы ходили туда все вместе, делали бумажные самолетики и запускали их, наблюдая, как они растворяются в темно-зеленых кронах деревьев. Кажется, больше такого не будет.

Послышался громкий смех. Смеялись они явно надо мной. С этим нужно было что-то делать: скрыться из поля зрения и прийти в себя. Глупо, наверное, что их разговор, не факт, что обо мне, уже так выбил меня из колеи. Но я ничего не могла с собой поделать, поэтому снова ускорила шаг, срываясь едва ли не на бег.

Ближе, еще ближе. Голоса громче и четче. Им не составило труда нагнать меня.

Второе столкновение. Пора присмотреться к противнику и узнать о его слабостях, чтобы начать контригру.

– Хэй, привет. – Широкая ладонь Ромы легла на плечо, заставляя дернуться. Справа шли Максим и Егор. Они приблизились слишком быстро.

– Привет. – Я старалась выглядеть как можно более спокойно. Сердце в груди предательски бухнуло.

– Что ты с собой сделала? Они такого странного цвета. Твои волосы.

Максим взял прядь моих волос и намотал на палец, после чего чуть потянул на себя и отпустил.

– Мальвина, – с легкой усмешкой добавил Егор, всматриваясь в меня с неподдельным интересом.

– Да-а-а... – протянул Максим и цокнул языком. – Знатно тебя время потрепало.

– Никто меня не трепал. – Я нахмурилась и резко скинула ладонь Ромы с плеча.

До дома оставалось совсем недолго. Быстро открою дверь и забегу вовнутрь. Они не посмеют пойти за мной.

– По тебе не скажешь. Дергаешься как паралитик.

– Я не дергаюсь! И чего вы вообще за мной увязались...

Казалось, они выбрали эту дорогу и появились настолько внезапно не просто так. Может, они специально шли за мной.

– Нам как бы тоже домой надо. Мы живем рядом, если у тебя еще не отшибло память, – произнес Егор, скривившись.

Он был прав. На секунду забылось, что мы все всё еще живем в одном дворе, совсем рядом. Показалось, что я на вершине какого-то параноидального айсберга.

– Не отшибло. Я уверен... – Максим как-то слишком слащаво улыбнулся. Меня аж пере-дернуло. Он сделал паузу, будто обдумывая, что сказать. Неужели снова придется услышать ЭТО? – Что она помнит все.

Все. Я правда помню все. Как же он прав, черт возьми.

Мой дом показался из-за угла. Оставалось дойти немного, потерпеть совсем чуть-чуть и не реагировать. Я же выше этого, я должна справиться и найти выход из этой ситуации. А сейчас выход – молчать. Так будет лучше. Максим посмеивался и неотступно шел следом. Будто выследил добычу и готовится к нападению.

Я зажмурилась, стараясь шагать как можно шире. Уже видно было балкон из белого кирпича – там хлопотала бабушка, что-то вымывая и поливая цветы. Еще немного, и мне не нужно будет убежать. Дома спокойнее, дома можно расслабиться и попить чаю.

Два шага, и я у домофонной двери. Открыла, оглянулась и... поражено замерла. Внутри все сжалось. Егор и Рома, продолжая переговариваться, прошли вперед, но это уже мало меня волновало.

Прямо под балконом стоял Максим, широко улыбался и стучал в окно. Бабушка, как только его увидела, сразу просияла и выглянула.

Нет, закрой окно. Иди на кухню. Пожалуйста.

– Здравствуйте! – Он даже не смотрел на меня, все улыбался и улыбался. Что-то задумал. Это не просто так. – Как ваши дела? С кухни так вкусно пахнет! Всё ваши пироги?

– Ой, Максик! – восхищенно охнула бабушка. Она всегда его любила. – Дела потихоньку... А твои? Со школы вернулся?

– Да тоже так же, вот только последний урок закончился. Возвращаюсь домой.

– Поздно-то как... Вы, наверное, так устаете. А у тебя же еще тренировка, да? А где Настенька? С тобой шла?

– Да, уже у подъезда стоит. – Он кивнул на меня. – Шустрая, даже я не заметил, как она от меня оторвалась.

– Ну что же вы! Эх! Заходи к нам, чайку попьешь! С моим вкусным вишневым пирогом. Только-только сделала.

Похолодев, я хмуро посмотрела на Максима. Понятно, что у него за план.

– Конечно.

Его улыбка сочилась ядом, в котором я просто захлебывалась. Смех бил по ушам. Он двинулся ко мне, а затем обогнул, заходя в подъезд.

– Спасибо, что придержала дверь.

Очередная усмешка. Как же захотелось макнуть его головой в чан с отходами. Я пошла следом.

Дверь гостеприимно распахнулась, бабушка пропустила Максима. Мы молча разулись, по настоянию помыли руки и прошли на кухню.

– Так давно ты к нам в гости не приходил... Ох, Настюш, а помните, как вы в детстве фильмы смотрели? А как ты водки случайно хлебнула? Ох весело тогда было!

– Безумно. – Я скривилась и села за стол.

Бабушка проворчала что-то о том, что я не помогаю ей – не нарезала пирог, не подала чаю. Пусть говорит что угодно. *Его* обслуживать я не стану.

– Особенно весело было промывать потом ее пылающее горло.

Максим улыбнулся бабушке, и та растаяла, отрезая кусок пирога побольше да посочнее. Вскоре на столе появились две большие ароматные чашки со сладким фруктовым чаем.

– Оставить вас поболтать? – Бабушка была слишком добра.

– Да ты нам не мешаешь... – негромко сказала я, желая ее ухода меньше всего.

– Я думаю, вам есть о чем поболтать!

– Да, есть, очень много о чем. – Максим мотнул головой, убирая с лица волосы и кусая пирог. – Очень вкусно.

– Вот и славно, я побежала!

Бабушка вышла и плотно закрыла дверь. На кухне повисло угнетающее молчание. Мне было неуютно рядом с Максимом, но... Что он может сделать мне в моем доме, когда здесь есть старшие? Совершенно ничего. Так что нужно немного успокоиться.

Максим с наслаждением ел пирог, уже допивая чай и поглядывая в окно на чирикающих птичек. Кажется, он не испытывал никакого дискомфорта.

Отпал всякий аппетит. Хорошо бы...

– Так что ты с собой сделала? Тебе так не идет.

...он молчал. Но Максим не будет молчать, конечно же.

– Мне все равно, как ты думаешь. Я не должна подстраиваться под твои вкусы.

– Что ты такая злая? – Он цыкнул языком и кинул в меня вишенкой. – Я же по-хорошему.

– А я – по-плохому. Видишь? Может, домой пойдешь?

Его загадочная улыбка совершенно мне не нравилась, потому что она значила что-то определенно... нехорошее. Максим подсел поближе и взял крупную прядь волос справа от моего лица, накрутил ее на палец, а затем понюхал.

– Пахнет краской. Фиолетовые волосы... – Максим всматривался в меня долго и пристально. Подался немного вперед. Я ощущала его дыхание на щеке. – Такая же трусость во взгляде. Липовая смелость.

Время замерло. Максим был слишком близко и говорил тихо, вкрадчиво – чтобы я наверняка запомнила это. Каждое слово ударом кнута отражалось на лице.

– Как ресницы трепещут... От тебя пахнет страхом.

– Чувство не может пахнуть.

– Может. Поверь. Еще как. Страх можно учуять издалека. Вот так посмотришь... И заранее видишь, кто тебя боится. Заранее знаешь, на кого нападать.

Максим рассуждал как хищник, на чьем счету множество жертв. Я слегка повернулась к нему. Он пытался и этим меня испугать?

– А если я тебя не боюсь? Прошло много времени. Люди меняются.

– Боишься. Ты посмотри на себя. – Он резко схватил меня за запястье и проверил пульс, а затем победно усмехнулся. Хватило нескольких секунд, чтобы понять, как быстро бьется сердце. – Я же говорил.

– Это неважно. – Я поморщилась и чуть отодвинулась.

– Еще как важно. – Он отстранился и вальяжно откинулся на спинку стула, словно... король. – Это дает мне знать, что все становится на свои места, моя милая п...

– Не смей говорить мне этого. Понял? Не смей.

Максим засмеялся. Я моментально подорвалась с места и подошла к двери, открывая ее и указывая в коридор пальцем.

– Иди к черту отсюда, слышишь?

Не прошло и минуты, как он исчез из кухни, а затем из дома. Было бы неплохо, если бы он исчез еще и из моей жизни.

План сработал четко: Максим напросился в гости, а затем выбил меня из колеи. Спутал мысли, заставил думать о том, о чем не стоило. Сначала о том, что, может быть, он правда не хочет чего-то плохого. Потом о том, что чувствовать чье-то опаляющее дыхание на своей щеке довольно приятно. Следом, что все медленно возвращается на свои места. Последняя мысль стала заключением эпопеи в моей голове.

Дебют начался.

7

После того как Максим ушел, я села на диван и закрыла глаза, шумно выдыхая и кусая и без того припухшие от этого губы. Жгучая ненависть, похожая на необъятное пламя, сливалась воедино с острым, колющим, болезненным страхом. В груди щемило, сердце быстро билось, во рту пересохло, предательски дрожали колени.

Я поднялась и допила оставшийся фруктовый чай, крепко сжимая в руках чашку.

Максим... Словно взял краски, спросил самого себя: «А что мне ими сделать?» – и нашел один ответ: испортить чужую жизнь за проступок в далеком детстве. Максим рисовал, расписывал и портил мою жизнь, как только мог. Изощрялся, придумывая новые, особые техники. Я была для него холстом. Самым ненавистным в жизни.

Он никак не мог успокоиться и все мстил, мстил. Не поступил в спортивный колледж, не обзавелся подружкой, его избили, а еще поставили на учет. А сколько выговоров, наверное, получил. Но... неужели это настолько ужасно, чтобы без зазрения совести испортить жизнь человека? Близкого друга детства, каким, я надеялась, он меня считал. Уже выросшей девушки, которой хотелось убежать почти всю жизнь.

Максим не мог успокоиться, как и Саша с Ромкой, и Егор, и Аня, наверное... А я, дура, испытывала не просто ностальгию. Я скучала, самую малость, но скучала. По бескрайним закатам, по чистому-чистому небу с забавным силуэтом заброшенной больницы. По секретным кричалкам, несуществующим азбукам и кодам. По нашим играм, по посиделкам до поздней ночи, по тайному складу интересных вещей... Я тосковала по человеку, пропавшему без вести. По Максиму, который меня любил. Считал клевай и защищал. Который учил меня быть сильной и не ссылаться на то, что я девушка. Благодаря которому я действительно многое поняла в нашей детской жизни. Глупое, глупое сердце... Зачем ты тоскуешь по тому, что было когда-то давно?

Бабушка убрала вишневый пирог, недовольно причитая, что он, наверное, не понравился нам. Затем она вытерла стол и села на высокий стул на балконе, открыв окно, чтобы насладиться теплом и пением птиц. Дверь балкона громко бухнула. Вздрогнув, я встала и пошла в свою комнату – единственное место, где ничего не изменилось. Все осталось на своих местах, такое родное и одновременно невообразимо чужое.

Напротив кровати висело зеркало. Я остановилась и всмотрелась в отражение, в фиолетовые волосы, на которые многие так неоднозначно реагировали. Говорили, я испортила себя... Но цвет, чистый и красивый, символизировал для меня свободу и бегство от прошлого. Не просто так я решилась на изменения. И частично они мне помогли. Мое отражение будто было не совсем моим. В зеркале все кажется иным, таким холодным – словно там живет другой человек, а может, внутренний демон, скопище несбывшихся стремлений или скромный ангел. То, что видела в зеркале я, было сильнее меня, крепче, остроумнее. Я обещала себе, без конца клялась доказать всем, что изменилась. Наедине с собой клясться просто, но честно выполнять клятвы – не так легко.

В гостиной шумел телевизор: новости дня, затем тут же – новости вечера. Я даже не заметила, как прошло несколько часов. За делом время меняет течение. Бабушка давно спала, а мама до сих пор не пришла. Дядя Влад прислал эсэмэску, что скоро придет.

Приятную тишину в доме нарушил звонок в домофон. Не успела я встать, как бабушка в комнате заворочалась и поднялась, а затем, зевая, медленно направляясь к двери. Она всегда спала чутко.

– Доброго вечера, извините, если вас разбудил.

Я не поверила своим ушам и выглянула из комнаты. Снова он? На кой черт я ему сдалась? Моя квартира медом намазана?

– Здравствуй, Максимочка... Зачем пришел? – Бабушка пропустила его в дом и вежливо улыбнулась.

– Я за Настей. Мы так давно не гуляли... – Максим осекся, оперся на косяк и, кинув на меня насмешливый взгляд, продолжил: – Вы же ее отпустите?

Мне казалось, что от моей злости сейчас взорвутся все лампочки.

– Конечно отпущу, золотой.

– Я не хочу, слишком устала в школе, – возразила я.

– Не отказывайся, не будь занудой, идем!

Он знал, что нужно сделать: тяжело вздохнул и закатил глаза, поворачиваясь к моей бабушке. Подстава.

– Настя! Ну что ты бедному мальчику отказываешь? Ничего ты не устала, всего десятый класс!

Я громко фыркнула.

– Не смей фырчать на меня. Иди развейся! Скоро жду домой. Все равно родители твои не вернулись. Вы же недолго, правда, Максик?

– Конечно, Антонина Федоровна.

– Просто Тоня. – Бабушка смущенно захихикала и, словно семнадцатилетняя девчонка, убежала на кухню, оставляя меня в абсолютно безвыходном положении.

– А ну, Вайолет. Беги, одевайся. А то твои пижамные шортики никто не оценит.

Я опустила глаза и буквально вспыхнула, но все же пошла в комнату, громко хлопнув дверью. Стоит Максиму улыбнуться – женщины падают к его ногам. Даже его подмышки, наверное, вызывают восхищение. И откуда в нем столько обаяния? Эта его фишка всегда чертовски бесила.

Одевшись в черные джинсы и свободную светлую футболку, я дополнила это массивными ботинками и своим любимым пальто. Последнее внезапно стало лишним – на улице ощутимо припекло. Увидев, что я готова, Максим ласково попрощался с моей бабушкой и бесцеремонно взял меня за запястье, уводя из квартиры.

Чтобы дома не видели нашей ссоры, я терпела, но на улице, в метрах пяти от подъезда, сильно дернула рукой и вырвалась.

– Максим, давай ты прекратишь это?

– Что прекратишь? – Он спокойно повернулся и окинул меня взглядом.

– Это... Это все! – Я всплеснула руками, повышая голос. – Сначала напросился ко мне домой, а теперь зовешь гулять, ты же меня ненавидишь, что ты задумал?

– Да с чего ты взяла, что я что-то задумал?! – Максим оскалился и сделал пару шагов вперед, наступая на меня. Я мигом замолчала. – Может, я хочу вернуть все как было! Может, я готов забыть наше детство! Ты об этом не подумала, Мальвина?!

– Я не Мальвина! И... Нет, не подумала. Но...

– Что – но? Что? – Максим скрестил на груди руки. – Я сделал тебе что-то плохое уже? Настолько плохое, чтобы ты не могла поверить в то, что я говорю? Да брось!

– У меня...

– У тебя одни догадки. Ты сама знаешь, я вспыльчив и могу наговорить лишнего.

Я задумалась. Может, я зря боялась? Напридумала лишнего, решила заранее, что все будет плохо. А он просто искал подход? Может, мы выросли из детских обид? Я скучала, а потому внутри меня шла ожесточенная борьба. Верить или... Так хотелось верить.

– Ну, допустим, ничего плохого ты не хочешь сделать. Тогда что?

– Всего лишь собраться старой компанией. Поделиться тем, что произошло за это время. Погулять по старым местам... – Максим вновь загадочно улыбнулся, но казалось, в этой улыбке сквозило нечто теплое, родное и по-настоящему живое. – Так что?

– Пошли... Попробуем. – Я неловко кивнула. Если бы я сказала, что согласилась неохотно, то соврала бы.

Все мысли испарились, даже те, которые заставляли сомневаться во всем и всех. Стало необыкновенно легко... К черту шахматы. К черту все дурацкие игры. Мы взрослые и свободные. Мы можем выбирать, как жить. Я не хочу бояться.

Разговор не клеился. Максим пытался говорить о футболе, прошедших годах, о том, как жила здесь его бабушка и вообще семья. А я пыталась хоть как-то разговор поддержать, но что-то совсем не выходило. Мы часто замолкали.

– Куда мы идем?

– На наш мелзавод. Помнишь его, да ведь?

Он усмехнулся и засунул руки в карманы. Я слегка поежилась. Снова возникли немного нехорошие мысли.

– Да... Помню. Полуразрушенная бетонная труба, лабиринты-подвалы, странные комнаты с неработающим оборудованием... И тот сказочный мостик.

– Я помню, как-то упал с него, – перебил Максим. – Почти три метра, небольшой ручей... Столько кровищи было, поцарапал себя тогда знатно. Но я счастливчик. Мог себе что-то сломать.

– Ты вообще как в рубашке родился... Всегда тебя легко пронесит.

– Это верно... – Его голос звучал совсем как в детстве: такой мягкий и добрый. Да и выглядел он не... по-акульи. Не дико. Скорее как рыцарь в доспехах. В холодных доспехах, скрывающих его самого, настоящего, ото всех.

Вскоре асфальт сменился грунтом. Мы спускались в низину. Вокруг появлялись небольшие деревья и кусты, под ногами – мягкая трава и мелкие камушки. Впереди, сквозь редкие листья, виднелось что-то темно-коричневое, будто ржавое. Тот самый мост, узкий, длинный, над небольшим ручьем. Овитый листьями и побегами неизвестных растений. Мост будил теплые, приятные воспоминания... Я улыбнулась.

Мы прошли чуть дальше, и до меня донеслись смешки и веселые голоса. Кто-то болтал, ходя по мосту; мелькали силуэты. На секунду захотелось спасовать, развернуться, и уйти, но Максим будто знал: обнял меня за плечи, сильно стиснул и повел к ребятам.

Это же не ловушка, правда? Я просто пошла за ним.

На краю моста сидели Аня и Саша, они пили что-то слабоалкогольное со вкусом вишни – ядреный запах пропитал воздух. Егор забрался на перила и что-то записывал, усмехаясь и забавно кривясь. Ромка мирно посапывал рядом со своим рюкзаком, его никто не трогал.

– Хэй, ребят, мы пришли! – окликнул Максим, и все обернулись.

– Здра-асьте, – протянул Сашка и поднял свою банку, будто собирался сказать тост. – Рома уснул, пока вас ждал.

Его взгляд скользнул по мне, и стало неприятно. Максим отпустил меня и подтолкнул к ребятам, мол, вперед, пора развееяться. Аня косилась недовольно. Кажется, ей не нравилась эта затея – вернуть меня в «стаю». Я прошла вперед, но подошла не слишком близко, оперлась поясницей на перила и посмотрела на Егора.

– Привет. – Неловкая пауза. Все молчали. – Давно не виделись...

– Точно подмечено, – ухмыльнулась Аня и сделала большой глоток из банки. Видимо, ее уже немного развезло. Она потянулась к своей сумке в общей куче, достала оттуда пакетик, открыла его и что-то вынула.

Меня отвлек Максим, усевшийся напротив ребят и доставший из общей упаковки еще одну жестяную банку.

– Ну что ты, садись, как неродная. Бери, поделимся уж. Да?

– Поделимся, – кивнул Сашка, даже не глядя на нас.

Наверное, не будет ничего плохого, если я выпью блейзера? Оказалось, это он – великий напиток 2007 года, каким его многие считают. Я взяла банку и с характерным пшиком открыла ее, сделала пару глотков и вспомнила, как мы когда-то делили энергетик. Это считалось по-настоящему смелым, отвязным. А сейчас... Мы выросли, и для многих это дело обычное. Выросли, и многое стало неинтересным. Запретный плод сладок.

– Ну, что ты... делала там, в своем Питере? – Егор поднял голову, оторвавшись от своих неведомых записей.

– Жила. Училась. Ничего необычного. – Я пожала плечами, не углубляясь в детали. Похоже на попытку завести разговор, ее определенно надо поддержать. – А вы что тут делали?

– Воевали, – с усмешкой ответил Максим. – Тебе там разве Женька не рассказал?

– А, рассказал. С Лешей, да? Но теперь-то все хорошо, он же выпустился. И, кстати, чего вы с Женей больше не общаетесь? Поссорились?

Аня недовольно шикнула и отвернулась, поднялась с места и пошла к Егору. Они о чем-то тихо заговорили.

– Он выпустился. А толку? – Саша резко ко мне повернулся и скривился, выкидывая пустую банку в ручей. – До сих пор у нас из-за него неприятности. Воюем как дети, ей-богу. А Женя просто внезапно, как он сказал, вырос и осознал «всю неправомерность и аморальность» нашего поведения. Ну его к черту. Думали, один из нас. А... Не такой.

Он поправил олимпийку, а затем, не совладав пьяными руками с замком, с недовольным взгласом бросил ее на спящего Ромку. Аня тихо засмеялась, отвлекаясь от тетрадки Егора.

– Мы не воюем. А даже немного дружим.

Максим возмущенно хмыкнул и залпом допил блейзер. Его голос стал развязнее, а сама поза – какой-то подозрительно расслабленной.

– Дружим? Давно ли это стало называться дружбой?

Егор закрыл тетрадку, слегка оттолкнул Аню, спрыгнул и закинул все в потрепанный рюкзак.

– Ну подумаешь, мы друг друга периодически мутузим...

Я поражено уставилась на Максима, облизывая сладковатые губы, и села на край пошатывающегося мостика.

– Зато он нам много чего дает.

– Что же вам может дать Леша? – Я нахмурилась, вспоминая, каким он был. – Лешка-кулак.

– Ну-у-у... – Аня упала рядом, поджимая тонкие губы. – Например, мы свободно проходим в некоторые... заведения нашего города.

Казалось, она выразилась чересчур прилично. Слова явно значили нечто посерьезнее. Их могли пускать в клубы, какие-нибудь притоны или на склады магазинов с детской продукцией. Вряд ли их пускали на кухню детского кафе.

– Да уж... Все стало только хуже, – пробурчала я и нахмурилась, осторожно ставя рядом с собой пустую банку. Она неожиданно быстро кончилась.

– Что стало хуже? – Максим недовольно зафырчал, а я попыталась объяснить:

– В нашем общении раньше была дружба...

– Которую предали, – желчно перебил Саша. Говорить больше не хотелось.

– Никто ее не предавал. Ты знаешь, что тогда было...

– Все знают.

– Ой, вашу мать, ребят, заткнитесь уже! Бесит, все бесит... – Максим поднялся. Он стоял твердо, но как-то... косо, как Пизанская башня. – Голова от вас трещит.

– Не надо было напиваться, пьянь ты малолетняя. – Аня дала ему смачную оплеуху и окинула взглядом пустую жестянку рядом со мной, а затем и саму меня. – Еще и других подбиваешь.

– Никто никого не подбивает! Сами захотели... – Он охнул и схватился за живот. – Что-то меня развезло сильнее, чем я ожидал. Практически на голодный желудок...

– Сам виноват. – Я закрыла глаза, чувствуя, как мир буквально кружится: мост скручивается, звуки меняются, все... искажается. Я тоже здорово опьянела.

Я не чувствовала ни враждебности, ни дружелюбия к себе, но все потому, что толком не могла думать. Рой мыслей, обычно жужжащий хуже пчел, постепенно умолкал. Накатила сонливость. Тепло растекалось по телу и отдавалось легким покалыванием в пальцах. Я улыбнулась и закрыла глаза, улетаю в какие-то глупые раздумья. Никто не хочет мне зла. Все возвращается на круги своя...

Ребята притихли, негромко обсуждая события минувших дней и скорый выпуск. Я слышала, как они философствуют насчет того, что может быть потом, и это невольно вызывало улыбку. Несмотря ни на что, каждый из них строил какие-то планы, желал стать в этой жизни кем-то, кого не забудут и кто, может быть, наследит во всемирной истории ну или хотя бы в истории города. Я же не знала, кем хочу стать. Даже кем *могу* стать. Мысли о будущем казались настолько тяжелыми, что чаще всего их приходилось откладывать в долгий ящик, ведь убегающая сквозь пальцы юность не должна быть непосильной ношей. Этих нош хватит во взрослой жизни с головой.

– Как ты? – осторожный голос эхом отдался в голове.

– В полном порядке, – рассеянно ответила я и повернулась на голос. Это оказалась Аня, такая же сонная и усталая. Почему-то мне казалось, что устала она скорее морально, чем физически. – А ты?

– Сказать честно или соврать? – Она тихо усмехнулась и закрыла глаза. – Ты вернулась... эх...

– Что значит твое «эх»?

– Мне кажется, это навело много... Ну... В общем, внимание привлекло. Может, не случится ничего хорошего...

– Многие об этом думают. Я тоже.

Мозг не хотел здраво мыслить, а потому смело выдавал необдуманные слова.

– Я не хочу в этом участвовать... Знаешь что? – Аня обратила на меня мутный, но достаточно твердый взгляд.

– Что? – удивленно отозвалась я.

– Я пас.

– О чем ты?

– Да ни о чем, просто говорю, – снова усмехнулась она и откинулась на мостик, – что в голову взбредет...

Я и не стала задумываться. Но короткий разговор прочно засел в подсознании, будя тревожные домыслы. Впрочем, все это потом. Сейчас так хочется спать... Я закрыла глаза.

Раздался громкий смех. Сколько времени прошло? Голубое небо окуталось непроглядной темнотой.

– Да ладно тебе! Неженка! – Саша разразился хохотом где-то сзади меня.

– Дава-а-а-ай, ссыкун! – Я расслышала голос Ромки.

Ничего не понимая, я обернулась, тут же получила ощутимый тычок в спину и потеряла равновесие. От ужаса я распахнула глаза и надрывно закричала, тщетно пытаясь в падении ухватиться руками за воздух. Плеснула вода. Я закричала снова. Волна боли захлестнула меня, из глаз брызнули слезы. Грязная холодная вода ручья била в лицо, заставляя кашлять и задыхаться. Глаза щипало. Невыносимое лютое нечто будто проткнуло иглой мои колени и локти; камни со дна разодрали в кровь кожу. В голове загудело, словно на оживленном рынке. Перед глазами поплыли белые пятна, все выпитое уже просилось наружу. Сил подняться не было, не было сил терпеть.

Наверху все так же смеялись, кто-то кого-то толкал. Я не могла этого разобрать, но ощутила, как на спину вылилось что-то холодное. Следом упала банка, ударяя меня в бедро. Звук рваной бумаги эхом разнесся в голове. А потом маленькие белые листочки начали медленно падать в холодную воду.

Ребята ушли. Секунда, минута, вечность. Сколько еще мне придется терпеть это?

Новый крик сорвался с моих губ. Я крепко зажмурилась и, опираясь разбитыми ладонями о камни, встала. Колени так и норовили подогнуться. Стоило немалых усилий подняться на ноги, а удержаться на них – еще больших. Вода сбивала, в голове царила неразбериха, мир кружился то танцующими искорками, то новыми вспышками боли.

Держась за тонкие стволы прибрежных деревьев, я выбралась из ручья и поднялась по склону, пачкая открытые раны и стесанную кожу мокрой грязью и листвой. Наверняка моя одежда порвалась и испачкалась, но меня это совершенно не волновало. Я чувствовала себя отвратительно. По влажным щекам катились слезы. Я дрожала от пронизывающего ночного ветра. Вокруг не осталось никого.

Не нужно верить тому, кто твое доверие уже потерял. Нельзя давать слабину и показывать свои уязвимые места. Нельзя расслабляться, никогда, и хватит надеяться, даже совсем чуть-чуть, что дружба из прошлого может вернуться.

Я пошатывалась, но кое-как шла вперед. Все ныло, неприятно тянуло. В колене что-то шелкало, отдавая жгучей болью. Грунт снова сменила асфальтная дорога. Началась финишная прямая до моего спасения. Под ногами валялись картонки, жестянки и окурки. *Они. Они. Ненавижу. Умрите, пожалуйста.*

Я была зла. Прямую длинную дорогу освещал теплый неяркий свет мигающих фонарей. Ветер дул мне в лицо, мокрые волосы прилипли ко лбу и шее, одежда – к телу. По коже бежали мурашки, но в то же время порывы ветра служили своеобразным обезболивающим. Я глубоко дышала и старалась успокоиться. Ни к чему кому-то слышать эти жалкие, судорожные всхлипы.

Я обняла себя за плечи и с удивлением наткнулась на что-то острое. Маленький осколок стекла впился в кожу. От чистого ручья, который так нравился нам в детстве, не осталось ничего, теперь это – грудa мусора для малолетних алкоголиков. Грудa мусора, в которой я побывала. Неужели когда-то и мне придется превратиться в ненужный мусор?

Пустой взгляд уперся в здание из красного кирпича через дорогу. В голову лезли разные мысли, но главной была одна – незаметно, быстро оказаться в своей комнате. Запереться и сидеть долго-долго. Лечить раны. Чтобы не видела бабушка, не видели родители. Моей грязи и моего позора.

Обессиленная, я села на холодный бордюр у дороги и зажмурилась. До боли сжала свои волосы и закричала. Некоторые птицы взлетели с деревьев, где-то в окнах включился свет. Мне было все равно. Я плакала и кричала. Истошно, до хрипоты.

Дебют остался за ним.

8

Я не помнила, когда вернулась домой, помнила только, как поднялась с ледяного мокрого бордюра и пошла вдоль дороги. Я даже не замечала, что проезжающие водители громко сигналият и ругаются мне вслед. В один момент это потеряло важность – соьбют, не соьбют. Какая разница? Я смотрела на машины, жмурилась от яркого света фар и шла, шла по прямой. Местная пивнуха, круглосуточный магазинчик, секонд-хэнд – все пролетело мимо и осталось далеко позади. Жалко, правда, не то, что нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.